

Алиса Веспер
Последняя секунда Вселенной
Серия «NoSugar. Антиутопия»

pdf
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69747310
ISBN 978-5-17-159456-5

Аннотация

Мы оказываемся в Архипелаге, объединении множества миров, разделённых порогами, пройти через которые способны лишь немногие. В этом пространстве путешествует Шелл, потерявшая память и пытающаяся найти хотя бы крупицы своих воспоминаний. В то же время университетский город-на-рельсах Аньесхеде уезжает от надвигающегося океана. Четверка друзей, живущих в нём, готовится к экспедиции. Они планируют достигнуть озера, где, по преданию, живет древнее чудовище. Но, оказавшись в шаге от цели, героям предстоит столкнуться вовсе не со страшным монстром, а с настоящими загадками этой вселенной, разобраться с которыми, как кажется на первый взгляд, практически невозможно... Но для любой сложной задачи прежде всего нужно время. Только как его получить?

Для широкого круга читателей.

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	6
Глава 1,5	28
Глава 2	31
Глава 2,5	66
Глава 3	67
Глава 3,5	91
Глава 4	94
Глава 4,5	117
Глава 5	122
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Алиса Веспер

Последняя

секунда Вселенной

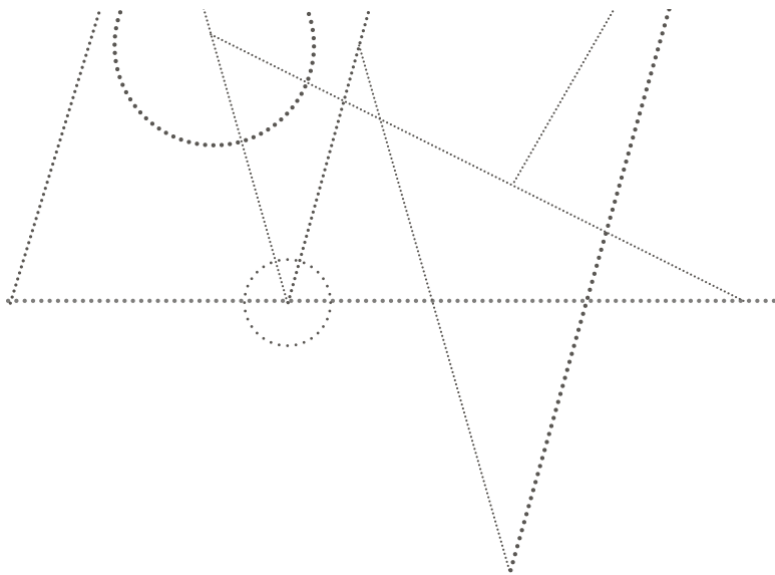
© Веспер А., текст, 2023

© Lighthouse, иллюстрации, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Часть первая

Глава 1

ПРОКЛЯТЬЕ

Она лежала под эбеновым деревом – из тех, что запоминают разговоры о любви и складывают из них стихи. Лежала и слушала шелест белой листвы. Дерево говорило слабым голосом, будто бы шептало – значит, это случилось давно. Может, тысячи лет назад. А может, всего сотни.

Свети, звезда моя, в холодных небесах, – слышала Шелл, пока слова не унес ветер.

Знакомый язык в этом сумрачном краю, покрытом, словно кривыми зубами, горными хребтами и перевалами, напоминал о чем-то родном, но давно забытом.

Затем дерево заговорило другими голосами, на других языках, которые Шелл уже не понимала.

Она не ожидала найти эбеновое дерево здесь, так далеко от дома, от городов и остальных поселений. Значит, когда-то тут жили люди. Или, может, стоял храм какой-нибудь местечковой богини любви.

Но она была рада. Хоть какое-то напоминание о существовании других людей.

– Чего улыбаешься? – с прищуром спросила Зела.

Шелл пожала плечами.

Троллиха повторила ее жест и вернулась к свежеванию кроличьей туши. Шелл смотрела, как ловко та управляется с ножом и тушей животного, как проворны ее толстые пальцы, как странно грациозно каждое движение, что совсем не ассоциировалось с массивной фигурой.

Шелл поняла, что пялится, и заставила себя перевести взгляд на костер, который тоже соорудила Зела. Желто-белое пламя завораживало. Шелл подумала о своей прошлой жизни. Она думала о том, каким был ее дом. Горел ли там камин? Жил ли в том доме кто-то еще? А может, она жила и не в доме вовсе, а в простой квартире. Или в комнатке где-нибудь на чердаке. Она уже не помнила лиц. Воспоминания потихоньку уходили, как уходят сны. Медленно, помаленьку, неумолимо.

– Полночь, – сказала Зела.

Для тролля она была слишком уж разговорчивой. Или нет? Откуда вообще Шелл что-то знала про троллей?

Наступил четверг. День, когда всемогущая богиня существует и может выслушать молитвы. Троллиха знала об этом. Шелл сама ей рассказывала.

Она покосилась на Зелу и кое-что вспомнила. Не из своей жизни, нет, но почти. Почти.

Она вспомнила, как читала – или писала? – о тролльских богах. О том, что об этих богах никто ничего не знал. Антро-

пологи, конечно, были убеждены, что каждому народу присущи религиозные верования. Но, наверное, тролли просто не хотели, чтобы кто-то узнал об их вере. Как трусишки фейри, боялись, что их богов похитят и заберут себе.

Что ж, фейри боялись не зря. Пришли расхитители древностей, пришли *цивилизованные* и забрали их слабеньких божеств себе в музеи и в частные коллекции. Она сама видела одну такую богиньку, пойманную старым антикваром.

Божество, которое раньше управляло целым островным мирком, к концу своей недолгой жизни оказалось в железной куполообразной клетке и тряслось от страха, когда к нему подходили. На руках и лице у нее были шрамы – видимо, пыталась сбежать. Пока не признала свою судьбу. Тем не менее та богинька сбежала. Не без помощи Шелл, конечно.

Воспоминание было таким ярким, но тут же померкло. Будто кто-то выключил свет.

Она горько улыбнулась сама себе.

– Опять улыбаешься, – прокомментировала Зела.

Тролли понимают, когда мы улыбаемся, но не понимают, когда улыбаемся неестественно, подумала Шелл. И все же она ощущала нечто по отношению к этому грузному созданию. Признательность? Симпатию? Благодарность?

Сложно испытывать подобные чувства к троллям, потому что те не похожи на людей. Но Зела ей нравилась.

Третий день они были вместе, шли каждая по своим делам и знали, что скоро придет пора расставаться. Шелл искала

одного, Зела чего-то другого.

Они ели кролика, Шелл пыталась жевать и глотать быстрее, чтобы не чувствовать вкус. Нет, эту еду она не понимала. Не любила мясо. Не из-за богини – хотя из-за нее тоже, – а скорее из-за того, что разница между разумными и неразумными существами очень размыта. Кто-то учил ее этому. Еще в детстве – возможно, мать. Возможно, кто-то другой.

Кажется, она изучала что-то подобное в университете. Что это был за университет? Что она изучала? Не экологию, точно не экологию. Нет, кажется, она любила писать. Книжки? Научные статьи? Публицистику?

Память будто выдирало ключьями. Оставались лишь тонкие ниточки, за которые нельзя дергать или тянуть – только бережно, осторожно касаться, иначе воспоминание оборвется. А лучше просто смотреть. Иногда она что-то вспоминала, аккуратно вытягивая ниточки памяти, но чаще – гораздо чаще – забывала еще больше.

– Однажды, – сказала Зела, выплюнув тонкую малюсенькую косточку, – я проснулась зимним утром и обнаружила, что дети мои – подделка.

Шелл насторожилась. Неужели троллиха наконец-то решила поделиться своей историей? И что это значит? Будет ли Шелл что-то должна после этого? Будет ли Зела должна ей? Какие последствия у этой истории? Или их не будет?

Она слышала о том, что тролли ничего не рассказывают чужакам, но не знала, где именно. Может быть, получится

узнать о Зеле чуть больше. Может быть, нет. Все зависело от самой троллихи.

– Я думала, как их могли подменить. Когда только успели? Они могли сделать это, пока я спала. Весь следующий день я смотрела на них, слушала их голоса, вдыхала их запахи и думала: а может, они всегда были такими? Я начала забывать, какие дети правильные. Но почему-то я знала – мои дети подделка. Только не знала, когда именно их подменили.

– Кто такие *они*?

– Их легко узнать. Однажды я найду их и...

Вместо ответа Зела одним махом откусила кроличью голову, и мощная челюсть – кляц! – раздробила череп животного.

Пытаясь скрыть беспокойство, Шелл осторожно кивнула троллихе. Зела поворошила палкой затухающие угли и сплюнула кости.

– Спроси у своей богини, какие у меня были дети, – проворчала она и отвела глубоко посаженные глаза. – Или у любой другой.

– Я не имею права молиться другой. Имя богини на моей шее, чтобы все знали, что она моя.

Зела приподняла тяжелую бровь без малейшего присутствия волос.

Откуда-то из памяти всплыл факт, что морские тролли не имеют волосяного покрова вообще. Они живут не в море, но рядом с морем. Говорят, что однажды солнце сожгло их во-

лосы и сделало кожу крепче. Шелл захотела потрогать троллю кожу, но, конечно, не сделала этого.

– А теперь давай спать, – проворчала Зела. – Пока ты совсем не задумалась.

Они лежали каждая в своем спальном мешке и думали каждая о своем.

Зела, наверное, думала о своих детях. Шелл думала о богине. Богиня не отвечает на вопросы. Только слушает. Возможно.

Шелл вдруг вспомнила, что постепенно перестала верить в богов и богинь. Но ее семья по материнской линии верила в богиню четверга. Когда ей было шесть, на ее шее сзади сделали татуировку с именем богини четверга. Спустя годы Шелл даже не стала перебивать ее чем-то другим. Наверное, это было уважение. Или любовь. Или что-то другое. Этого она уже не помнила.

* * *

Когда утром они собирались, Шелл слышала, как под эбеновым деревом мужчина признается в любви женщине. Он обещал, что найдет ее в этом мире или в каком-то другом. Он клялся, что никого никогда не полюбит так, как ее.

Шелл уходила, неся в сердце надежду.

Шелл надеялась, он нашел ее.

И если я тебя когда-нибудь не встречу, свети, звезда моя,

пусть вечным будет свет.

Они шли дальше. Шли долго, шли весь день. Одни деревья сменялись другими. Шелл говорила с богиней, ведь только сегодня та могла услышать. Только сегодня богиня существовала в мире. Поскольку богиня существует лишь в один день из семи, ей нужно много слушать. А Шелл – много говорить, чтобы ее слышали.

Шелл чувствовала себя лицемеркой – она не верила в богиню четверга. Кажется. Этого она тоже уже не помнила.

Зела спросила, что случается с богиней в другие дни. Шелл сказала, что в другие дни ее не существует. Это она знала точно. Зела спросила, существует ли богиня в других мирах, и Шелл задумалась. В других мирах другие календары. Так что где-то еще мог быть другой четверг. Сотни четвергов, тысячи четвергов, миллионы четвергов. И одна богиня. Теперь понятно, почему она не отвечает. Слишком много людей, слишком много молитв.

Существуешь ли ты в других мирах, спрашивала Шелл, слышишь ли ты людей в других мирах, что это за миры, что это за люди?

Кто-то говорил, что у нее одиннадцать тысяч с половиной ушей – ровно столько нужно, чтобы услышать всех нуждающихся.

Сейчас богиня была нужна как никогда. Но она, как обычно, слушала те одиннадцать с половиной тысяч человек, которые нуждались еще больше, чем Шелл. Пусть даже у Шелл

и была татуировка с именем богини. А возможно, дело в том, что она забыла, верит она или нет.

В конце дня они вышли к морю.

Они стояли над обрывом и смотрели на серо-синее море, на красное солнце, тающее в его глубинах, на фиолетовые облака.

Еще одна часть пути была пройдена.

Здесь их дороги с Зелой расходились. Троллиха шла на восток, искать своих настоящих детей. Шелл шла на запад, за тающим солнцем, вдоль обрыва, шла, чтобы найти того, кто поможет.

Они прощались. Зела кивнула и уже собралась уходить, как Шелл спросила:

– Что случилось с твоими поддельными детьми?

– А что происходит с твоей памятью?

Ответа на этот вопрос Шелл не знала. Зела развернулась и размашисто зашагала прочь.

Шелл осталась одна. Во всем мире не было никого, кроме нее. Только звезды, море, она и ее проклятье.

Она несла его с собой, словно самый драгоценный дар.

Возможно, ее ждет смерть. Возможно, полное забвение. Никто не знал, что именно ее ждет.

Шелл шла по давно протоптанной тропинке – слева зеленели поля, которым скоро уже желтеть и умирать, а справа обрыв, на стенах которого чайки и топорки¹ вили свои

¹ Топорók или топóрик – морская птица рода Түпики семейства чистиковых.

гнезда. На маленьких выщерблинах они рождались, кормили своих птенцов и умирали от старости или от когтей других птиц.

Справа было море, море, насколько хватало глаз.

Она шла, шла, шла. Пока море не поднялось к обрыву, пока Шелл не спустилась на берег. И вот она уже шла по гальке, по песку, мимо белых круглых валунов, а рядом в воде плескались странные существа.

Кто ты, спрашивали одни. Зачем ты пришла сюда, спрашивали другие. Мы разорвем тебя на части, говорили третьи и обнажали длинные острые зубы, сверкающие серебром в свете звезд.

А звезды шептали – не смотри на них, не смотри. И она не смотрела. Она шла вперед, туда, где растаяло солнце.

Внутри, в самом центре груди, что-то было, что-то звало вдаль, безошибочно определяя, куда идти. И она шла, повинаясь этому зову безотчетно. Повинуясь проклятью, которое ей выпало нести.

ПАРАДОКС

Они заметили друг друга с первого взгляда. Почему? Может быть, потому что были разными? Родились в разных мирах, жили в разных мирах. Разный вид, разный пол, разный фенотип и разрез глаз. Два существа, так непохожих друг на друга – почему нет?

Особенно сейчас. Особенно в это время года.

Весной миры особо чувствительны к флуктуациям. Миры существовали бок о бок, пронизывали друг друга, вливались из одного в другой реками, теплыми течениями, врывались гремящими водопадами или раскатами грома. Даже ее мир, находившийся на краю известной Вселенной, подвергался этим флуктуациям.

В ее мире магии почти не было. Лишь редкие женщины и еще более редкие мужчины обладали *даром*. Иногда к ним забредали существа из других миров, и Эйрик Кенельм всегда готов был предоставить кров, еду и одежду. А за красивые истории, за аутентичные предметы культуры и искусства предлагал остаться в его резиденции бесплатно и почти навсегда.

Эйрик построил свое жилище из камней, пропитанных древней магией *порога*. Немного помощи извне, и в доме укрепилась связь с другими мирами.

Он не обладал магическим даром, однако в его крови понамышалось слишком много всего, чтобы он остался простым человеком.

Раз в месяц в его доме собирались разные влиятельные люди своего времени. Правильнее будет сказать – своих времен. Ведь в каждом мире время шло по-своему. За один месяц на званом обеде с перерывом в неделю появился граф фейри и его выросший за это время отпрыск. Или они так шутили, и это мог быть его брат. Или прапраправнук. По

фейри никогда не понятно, шутят они нет. Дело тут не в фейри и их странном чувстве юмора, а в том, что разумные существа просто не способны понимать друг друга. Даже существа внутри одного вида не способны понимать друг друга. Кто бы что ни говорил.

Но уже-не-леди Аннабель из рода Эндэ, куда путь был ей заказан, и писатель из другого мира Айвин Рён не испытали подобных затруднений. Они встретились, когда выглянуло солнце, и хрупкий мир ледяных наростов на домах, окнах, шпилях башен наполнился морозящим дождем и запахом молодой весны.

Когда они увидели друг друга, зал шумел, звенел бокалами, шуршал длинными полами платьев. Когда они увидели друг друга, мир затих, смолк, разговоры и смех оборвались. Когда они увидели друг друга, мир будто что-то почувствовал. Казалось, Вселенная задышала чаще.

Какое-то время они с Айвином ловили взгляды друг друга и улыбались, но не приближались друг к другу, а говорили с другими людьми (и не только людьми).

– Это не лучшая идея, – сказал Эйрик.

Аннабель закатила глаза и отпила шампанского из тонкого бокала. Эйрик, как обычно, пытался строить из себя старшего брата. Хотя у них было всего-то несколько месяцев разницы. К тому же они были четвероюродными кузенком и кузиной.

– Почему? – спросила Аннабель.

– Потому что Айвин Рён – довольно странный постоялец.

– Симпатичный. Он живет в твоей резиденции?

Эйрик дернул бровью.

– Живет, – неохотно согласился он. – Пишет книгу.

– Что за книга? – не удержалась Аннабель.

– Он не говорит. Секретный проект. Он даже мне ничего не рассказал. Пфф.

– Так почему это не лучшая идея? – поинтересовалась Аннабель.

– Он для тебя староват. Я серьезно. Ему уже тысяча лет, если не больше. А еще он не человек.

Аннабель допила шампанское и поставила бокал на стол.

– Думаю, я сама разберусь.

– Конечно, – проворчал Эйрик. – В этом я не сомневаюсь.

Улыбнувшись, она вышла на балкон и села в кресло. Через пару минут в соседнее плюхнулась Саншель.

И без того смуглая, она загорела еще сильнее, а темные волосы слегка выгорели. Неплохая командировка, видимо, вышла.

– Как все прошло? – спросила Аннабель.

– Отвратительно, – Саншель сползла в кресле. – Нет, я привыкла, ко всему привыкла, но в Кер-Исе² было просто ужасно. Ни одной женщины в основном штате, только сек-

² Кер-Ис – (брет. Ker Is «город Ис», фр. Ys) – в бретонских преданиях старинный город, столица Арморики (то есть Бретани), построенный в заливе Дуарнене королем Корнуэльским Градлоном для его дочери Дахут.

ретари и уборщицы. И ко мне они относились так...

– Снисходительно? – подсказала Аннабель.

– Именно. Будто я пустое место.

Ничего удивительного. Во-первых, та была молода. Во-вторых, как и многие полукровки, бессовестно красива. Себя Аннабель относила к умеренно красивым полукровкам. Ну и, в-третьих, Саншель работала и не собиралась выходить замуж. В мире было слишком много интересного, чтобы себя ограничивать.

– Да и коллайдер у них так себе. На восемнадцать километров короче, чем у нас, – продолжила она, придвинувшись ближе. – Кстати, не хочешь после банкета пойти ко мне? Я привезла отличную текилу и... А куда это ты смотришь?

– Никуда, – невинно ответила Аннабель.

Но Саншель уже проследила за ее взглядом и криво ухмыльнулась.

Айвин Рён стоял в окружении заинтересованных поклонников и поклонниц и периодически бросал короткие взгляды на Аннабель.

– Что ты знаешь про Айвина Рёна? – спросила она у Саншель.

– Ты читала мою статью про него?

Аннабель кивнула. Читала несколько месяцев назад, но не заинтересовалась и потому ничего не запомнила.

– Так что ты думаешь о нем?

– Ну... – Саншель задумчиво нахмурила брови. – Он пи-

сатель. Довольно интересный. И остановился здесь, потому что заинтересовался нашим Аньесхеде. Говорит, что никогда не видел движущихся городов. Хочет посмотреть, как он поползет к горам. А еще говорит, что люди ему интересны.

Интересны. Это слово можно трактовать по-разному. Он мог интересоваться как этнограф, психолог или антрополог. А мог интересоваться ими, как энтомолог новым видом муравьев.

Айвин Рён снова посмотрел на Аннабель и, поймав ее взгляд, с улыбкой опустил свои зеленоватые глаза.

– Ты хочешь с ним познакомиться? – спросила Саншель.

– Пока не знаю. Возможно.

Саншель криво улыбнулась, проследив глазами за взглядом Аннабель.

– Решайся, в общем, а я пойду с кем-нибудь потанцую. Может, даже с Эйриком. Если ему повезет.

Она похлопала Аннабель по колену и упорхнула в зал.

И тут Айвин двинулся к ней сквозь толпу.

Аннабель встала с кресла и подошла к белым каменным перилам, мысленно пожелав при этом, чтобы редкие гости направились с балкона вглубь дома. И они ушли, оставив их вдвоем под звездным куполом.

Айвин Рён не был похож ни на кого другого. Ни на кого в этом городе. Ни на кого в этом мире. И чем ближе он подходил, тем больше это было заметно. Издали он казался просто обычным – хоть и весьма привлекательным – человеком.

Но вблизи это было нечто иное. Двигался он грациозно, слишком грациозно для человека. Скорее так двигаются большие хищные кошки. Она не поняла, какого цвета у него волосы – русые, рыжеватые, белокурые? Освещение не давало разглядеть точнее.

Когда Айвин остановился рядом, Аннабель с удивлением обнаружила, что вместо бабочки-галстука на вороте его льняной рубашки сидела живая бабочка, белая с черными полосами и красными пятнами на нижних крыльях³.

– Заклинатель бабочек, – прошептала она.

Айвин поднес руку к вороту, и Аннабель заметила на его щеке татуировку, скрытую рубашкой. Почему-то ей показалось, что татуировки покрывают весь его торс. Спрашивать об этом она, конечно, не стала. Время еще не пришло.

Бабочка перелетела с воротника на его ладонь. Аннабель с интересом разглядывала длинные трепетавшие крылышки, считала пятна на крыльях. На верхних по четыре, а на нижних по пять.

От Айвина пахло вереском, горьким медом, костром и солнцем. Запах, рождающий воспоминания о лете, беззаботной юности, ночах под звездами, когда казалось, что утро никогда не наступит. Щемящий запах. Горький.

Айвин отпустил бабочку на волю, и она затерялась в тем-

³ Аполлон – (лат. Parnassius apollo) – дневная бабочка семейства Парусники. Видовое название дано в честь Аполлона – сына Зевса и Лето, божества красоты и света.

ноте. Аннабель видела таких в саду Эйрика. Наверное. Она найдет семью. Если у бабочек вообще есть семьи.

Они еще долго молчали, прежде чем заговорить. Было слишком хорошо, чтобы разрушать волшебство разговорами.

Жизнь делится на множество моментов «до» и «после». *До* они не понимали, что все сводилось именно к этому мигу. *После* началась новая точка отсчета.

ПРОРОЧЕСТВО

Айвин не любил жару. Ему казалось, он плавится, как какой-нибудь злой волшебник. Но в тот день жара ему не мешала. В тот день ему было все равно.

Где-то за холмами, за вершинами деревьев, за десятками квадратных километров травы и лесов жили люди. Но здесь были только они вдвоем.

Зачарованные развалины Кавалона могли найти только те, кто обладал магией.

Например, Айвин и Аннабель.

Стоячие полуразрушенные камни образовали круг. В центре лежала черная плита – монолит, уходящий вглубь, вгрызающийся в само основание этого мира. Один из древних механизмов неизвестного назначения. Если приложить ухо и прислушаться, то до сих слышался стук колесиков и шестеренок. Никто не знал, когда механизм был построен. Воз-

раст машины не поддавался ни научному, ни магическому анализу. Айвин в своей книге описал этот механизм, его работу и предназначение, но на самом деле он ничего не знал. Только придумывал, как все могло быть когда-то.

Несмотря на жару, плита была холодной, и Айвин с удовольствием сел на нее.

– Рядом есть озеро. Если хочешь искупаться, – сказала Аннабель.

– Чуть позже. Я здесь никогда не был. Только читал про это место. Ну, и писал немного. Такие штуки есть во многих мирах. Ты чувствуешь?

Она кивнула.

– Мои способности лучше работают, когда тепло. Хотя я не слишком хорошо умею ими пользоваться.

– Почему? – заинтересованно спросил Айвин. Он не знал, как *это* работает у людей.

– Критический возраст прошел. После можно научиться, но будет уже не так.

– Почему ты не училась магии раньше? – спросил он и тут же спохватился. – Если, конечно, это уместный вопрос.

– В моей семье это считалось... унижительным.

Айвин с любопытством склонил голову, глядя на Аннабель.

Она села рядом с ним, почти касаясь открытым плечом его плеча. Ему всегда был интересен этот ярко выраженный людской половой диморфизм. Интересен и немного проти-

вен. В его мире все было не так.

В этом мире даром чаще всего обладали женщины. Мужчины, конечно, этому завидовали, и постепенно женщин перестали учить использовать свою магию. То, что раньше считали даром, постепенно в умах большинства превратилось в форму вечности. Лишь в некоторых малых народах люди все еще учили своих детей магии. Но кем они были для *цивилизованного* общества?

Аннабель вздохнула и заправила растрепавшиеся темные волосы за уши.

Айвин сам хотел сделать это, дотронуться до ее щеки, до ее волос, но... нет, пока еще нет. Его охватило странное волнение – приятное, очень приятное. Он чувствовал нечто подобное множеству раз с другими, но сейчас... Сейчас было по-другому.

– В квантовой механике есть эксперимент с двумя щелями⁴. Ты о таком слышал? – спросила вдруг Аннабель.

Айвин пожал плечами. Он много читал, даже когда-то наблюдал и удивлялся интерференции, но не углублялся в тему.

– Предположим, у нас есть поверхность с одной щелью, а за ней экран. Если мы пустим фотон через щель, то увидим на экране точку света. Если на поверхности будет две щели,

⁴ Двухщелевой опыт в современной физике является демонстрацией того, что свет и материя в целом могут проявлять характеристики как классических волн, так и частиц; кроме того, он отображает фундаментально вероятностный характер квантово-механических явлений.

то мы увидим не две точки света, а интерференцию. Фотоны будут взаимодействовать друг с другом.

– Да-да, частицы ведут себя как волны, – осторожно сказал Айвин, не понимая, куда именно она ведет.

Аннабель закрыла глаза. Некоторое время она молчала, а затем снова заговорила.

– Чтобы исключить возможность интерференции, можно выпускать по одной частице. Казалось бы, теперь все в порядке, но через некоторое время частицы все равно начинают интерферировать. Как? Сами с собой? Видимо, частица проходит сразу сквозь две щели.

Айвин нахмурился. Он понимал все меньше и меньше.

– Но если мы попытаемся понять, *пронаблюдать* и измерить, сквозь какую щель прошел фотон, он начнет вести себя как частица. Интерференции не будет.

– Я не совсем понимаю, куда ты клонишь.

– Измерение влияет на фотон или электрон, и они теряют квантовые свойства, – она вздохнула. – Недавно я читала про параллели между физикой и психологией и задумалась о том, что, когда мы смотрим на что-то, мы выхватываем лишь определенные детали, создаем в собственном мозгу модель, упрощаем. Человеческое восприятие превращает нечто сложное во что-то простое. Мои далекие предки, от которых я унаследовала этот разрез глаз, когда-то воевали с коренными обитателями этого континента. Но я тут ни при чем. И все же некоторые люди считают виноватой имен-

но меня. На самом деле картина гораздо шире и сложнее, но эта попытка пронаблюдать, измерить делает все простым. Бинарным. Вне чужого взгляда все совсем по-другому.

Айвин знал эту историю. В этом мире всего два века назад все четыре континента были обитаемы. Заселены людьми и местной флорой и фауной. Затем было изобретено и использовано биологическое оружие. В итоге три континента превратились в пустыни, и с тех пор там никто не жил.

Он так до конца и понял сути конфликта. И хорошо, что не понял, наверное.

– А еще я думала о других мирах. Есть теория, что во время двухщелевого опыта электроны взаимодействуют одновременно с разными параллельными вселенными⁵, но если их начать измерять, начать наблюдать за ними, то сам наблюдатель расщепляется на несколько версий, и каждый из них видит разный результат. В одном мире электрон прошел через правую щель, а в другом – через левую. Это удивительно, – Аннабель рассмеялась.

Он замороженно смотрел на нее, на бледное лицо, не знающее загара, на почти острые скулы, на обветренные губы, на подрагивающие ресницы и вдруг отчетливо понял, что средоточие науки и магии – это не древние механизмы, не тео-

⁵ Многомировая интерпретация Эверетта – интерпретация квантовой механики, которая предполагает существование, в некотором смысле, «параллельных вселенных», в каждой из которых действуют одни и те же законы природы и которым свойственны одни и те же мировые постоянные, но которые находятся в различных состояниях.

рии, не кипы научных работ, а человек. Человек, который сейчас перед ним.

Аннабель открыла глаза и тут же прищурилась от яркого света. Айвин сел так, чтобы солнце не светило ей в лицо.

– Я хотел сказать... – начал он громко, но закончил почему-то шепотом.

– Да?

Это был тот самый момент. Тот самый.

– Я не человек.

– Я знаю. И я вижу, как ты пытаешься не улыбаться, чтобы я не увидела твои зубы. Мне все равно. Правда.

– Так почему частица взаимодействует сама с собой? – спросил он, чтобы скрыть неловкость.

– Неизвестно. Но однажды мы лучше изучим свойства света.

Свойства света.

Аннабель притянула Айвина к себе и прошептала ему на ухо:

– Я хочу увидеть твои татуировки.

– Так смотри...

Они целовались. И снова, и снова, и снова.

Он понимал и не понимал. Люди отличались. Но сейчас не время для того, чтобы искать различия. Это время для того, чтобы искать общее.

В машине под ними что-то щелкнуло. Внутри проснулось нечто древнее. Древнее, как наскальные рисунки и первые

погребальные украшения, древнее, как выдолбленные из дерева лодки, на которых предки его и ее народов пересекали широкие проливы, древнее, как первые иглы из обточенных бивней мамонтов. Древнее самой цивилизации.

Глава 1,5

Когда Рия подошла к обрыву, отец подобрал с земли камушек и бросил в звездную бездну. Река-между-мирами тут же подхватила его и понесла куда-то в другие миры.

Интересно, куда упадет этот камень? И упадет ли или вечность будет кружиться с артефактами древних космических столкновений?

На этот вопрос у Рии не было ответа. Зато у отца был. Она много о чем хотела узнать, но не хотела спрашивать его. Она хотела узнать сама.

– Отец, Кавалонский механизм запустился, – сказала она.

– Уже? Что ж, прекрасно. Значит, скоро твой брат будет здесь.

Твой брат. Эван. Эви, как называл его отец. Сам он давно называл себя Айвином. Как будто была большая разница.

Брат. Хотя даже это была неправда. Никакой он ей не брат.

Рия подозревала, что у нее никогда не было матери, и отец создал ее один. Как все эти архаические боги. Одна капля крови, один комочек глины, одно шевеление пальца.

– Не завидуй. Ты же знаешь, что именно ты моя любимая дочь. – Отец подался вперед, практически свисая над обрывом. Она еле сдержалась, чтобы не схватить его и попытаться

ся оттащить. Или сбросить. Но он снова сел ровно и продолжил: – Сколько лет прошло, только подумать. Ты читала его последнюю книгу?

Она кивнула. Не хотелось этого признавать, но Эван стал писать лучше. Еще бы – после стольких лет практики. Сколько раз, сколько жизней уже прошло с тех пор, как он начал писать?

Отец засмеялся чему-то, глядя в бездну.

Рия знала, что отец видит мир по-другому, и для него это был не просто край, обрывающийся в Реку-между-мирами, а нечто иное. Он говорил, что однажды она тоже увидит. Но Рия знала, что не увидит. А если и увидит, то случится нечто непоправимое. Отец специально создал ее такой. Урезанной. Ограниченной.

– Скоро все закончится, Рия.

Отец уже чувствовал осень. У мира оставалось все меньше и меньше времени.

Конечно, после того как все закончится и начнется вновь, времени будет вдоволь, но сейчас... Она ненавидела все это. Ненавидела, потому что помнила. Просто не могла забыть. Каждый раз, когда отец создавал все заново, она вспоминала свои прошлые жизни. И каждый раз она хотела не помнить, не существовать, не видеть. Не жить. И каждый, каждый раз она ничего с этим не делала. Она была создана, чтобы всегда рождаться и никогда не умирать.

Она боялась смерти, и этот страх становился только силь-

нее. Она знала, что отец встроил этот всепоглощающий страх в ее ДНК, чтобы она не оставила его, как все остальные. Чего она не знала, так это сколько это все еще продлится.

Глава 2

ПРОКЛЯТЬЕ

Длинная коса полуострова вела на запад. Шелл шла бо-сиком, ноги утопали во влажном песке, ветер трепал выбив-шиеся из косы волосы, проникал под одежду, охлаждал раз-горяченное за день ходьбы тело.

Чем ближе она подходила к месту назначения, тем быст-рее ноги несли ее. Шелл не знала, что ждет ее *там*. Не знала, что будет делать, когда придет. Забыла, что именно позвало ее в этот путь.

Чье это было проклятье? Ее собственное? Ее родителей? Далеких предков? Если бы только она могла вспомнить. Ес-ли вообще когда-нибудь знала. Чем дальше она шла, тем больше сомневалась.

Откуда она знала, что должна прийти именно сюда? Имен-но к этому озеру этого мира?

Кто я? Что я? Существую ли я? – спрашивала она. Может, ее давно уже нет. Вокруг никого не было, чтобы убедить ее в обратном.

Впереди маячили скалы, похожие на нижнюю челюсть ка-

кого-то древнего хищника. Все внутри начало вопить. От ужаса, от предвкушения, от нетерпения.

Скалы приближались с каждым шагом. Песок под ногами начал теплеть. Будто бы под землей было что-то... живое.

Через некоторое время Шелл услышала, почувствовала под землей стук. Ощутила биение ступнями, сердцем, шумом крови в ушах. Кожа покрылась мурашками, в волосах заиграло электричество.

Теперь она знала, что не одна здесь. Теперь она казалась себе лишь частью какого-то огромного живого существа, которое было там. Внизу.

Вскоре песок сменился горячим камнем. Но ногам не было жарко. Шелл будто стала единой с этим камнем.

Снизу скалы были еще больше похожи на зубы. Их было много, несколько рядов, как у морских хищных рыб. Они простирались вверх, вверх, вверх. Бесконечно. Они заслоняли солнце, небо и облака.

Весь мир скрылся в этой исполинской челюсти.

Возможно, когда-то это был дракон, и это останки его зубов. Возможно, какое-то другое древнее чудовище, уже забытое, но все еще живущее в глубинах коллективной или генетической памяти хтоническим ужасом.

Она прошла дальше в скалы. Жар не усиливался. Где-то должен быть вход. Где-то обязательно должен быть вход в пещеру.

Почему-то она была уверена, что это пещера.

Камень под ногами пылал, и этот жар шел внутрь, от пальцев ног, по щиколоткам, икрам, коленям, бедрам, разливался в теле, в самом сердце, плавно перетекал в руки, до самых ладоней, до кончиков пальцев, и в голову, в мозг, во вместилище разума.

Ноги ее подкосились, и она осторожно села. Коснулась рукой камня. Теплового камня.

И вдруг поняла.

То, что издали казалось зубами, на самом деле было гребнем. Лишь маленьким кусочком костяного гребня. Именно здесь голова выходила на поверхность моря.

Она нашла дракона.

ПАРАДОКС

– Needust saab murda, loobudes millestki väärsest, – медленно проговорил Айвин.

Аннабель кивнула. Она уже начала понимать его язык. Понемногу.

Он говорил о проклятьи.

По стеклам стучали капли дождя, и она никак не могла сосредоточиться.

Они сидели в библиотеке Эйрика у панорамного окна окруженные книгами, старыми и новыми: монографиями, художественной литературой, журналами, фолиантами, поэзией и биографиями. Особую страсть Эйрик питал к биогра-

фиям, а Аннабель – к черновикам. Айвин писал много черновиков, и ей нравилось в них разбираться, хотя порой это было и непросто.

Айвин сидел в кресле напротив, лицо скрыто книгой, только глаза видно. Периодически он ловил на себе взгляды Аннабель и улыбался.

– *Kalli?* – позвал он.

– А? – рассеянно ответила Аннабель и тут же смутилась.

Он называл ее этим словом. Тем словом, которое у его народа означает «любимый» или «любимая».

– Хочешь пойти поесть? – спросил Айвин.

– Давай подождем, пока дождь закончится? Осталось минут двадцать.

Он кивнул.

– Можно спросить?

– Конечно, – Аннабель кивнула.

– В резиденции Эйрика живет так много людей – художники, писатели, скульпторы, – задумчиво проговорил Айвин. – Это очень... странно. Они постоянно говорят. Спорят. Обсуждают. Сплетничают.

– Это наш эволюционный механизм, – ответила она. Айвин прищурился, склонив голову. – Когда-то мы жили небольшими группами и нам нужно было понимать, кому можно доверять, а кому нет. Кто обманывает, а кто ведет себя честно. Кто кому изменяет, а кто верен. Сейчас мы живем в больших городах, но внутри них мы собираемся в те же

племена. Как десятки или сотни тысяч лет назад. И поэтому мы обсуждаем друг друга⁶. Аньесхеде – не такой большой, здесь все друг друга знают. Или почти все.

– Да, я бывал в городах-миллионниках, – кивнул Айвин. – Но даже сто тысяч – это – как бы сказать? – *головакружительно* много. Впрочем, то, что ты говоришь, звучит логично. Мы не живем большими группами. У нас нет городов. Мы душим друг друга своим присутствием и магией.

– Это тоже логично. Вы можете проходить между мирами. Мы – нет. Вам не нужно бежать от хищника, потому что вы можете просто перейти. Другой эволюционный путь.

– Да. Но в детстве мне было очень одиноко из-за этого. Я ведь говорил, что жил в полуразвалившемся замке? В окнах не было стекол, поэтому в мою комнату залезал плющ. На камне что внутри, что снаружи был мох. Зеленый, коричневый, красный. И везде пробивались цветы.

Аннабель подвинулась ближе к Айвину, и он тоже подвинулся к ней.

– Nüüd pole sa üks, – прошептала она на его языке.

«Теперь ты не один».

– Я не один.

⁶ Психолог Робин Данбар выдвинул идею о том, что сплетни как эволюционный механизм помогали людям распространять ценную информацию в небольших сообществах (в диапазоне от 100 до 230 человек, чаще всего условно принимается равным 150). Конечно, достоверность этого эволюционного механизма под вопросом, но все же есть вероятность, что именно сплетни помогали поддерживать социально функциональные группы.

Они поцеловались, а Аннабель почувствовала на себе несколько косых взглядов.

Айвин, видимо, ощутил нечто подобное, потому что сам отстранился.

– Это библиотека. Тут не принято громко разговаривать, – прошептала она и хихикнула. – Целоваться тоже.

Он кивнул и сказал:

– Есть целый мир-Библиотека. Там в принципе можно все.

– Стой. Целый мир, в котором только книги?

Айвин улыбнулся и добавил:

– Библиотека – это не только книги. Это и фильмы, и настенная живопись, и первые свитки о том, сколько налогов нужно платить царю. Это истории, которые стали воспоминаниями.

– Ты был там?

– Несколько раз. Искал материалы для книги.

– И как выглядит этот мир?

– Люди живут там всю жизнь среди стеллажей и залов с экспонатами. Уйти можно, только если ты умеешь пользоваться порогами. Там пахнет старыми книгами, а до новых я и ни разу не дошел. Библиотека – это лабиринт. Никогда не знаешь, куда выведут тебя указатели – они постоянно меняются. Но даже если ты не найдешь то, что ты ищешь, ты всегда найдешь то, что тебе нужно.

– Идеальный мир, – прошептала Аннабель.

Айвин улыбнулся.

– А как он называется на твоём языке?

– Maailmaraamatukogu, – отозвался он.

Какое странное слово. Длинное, певучее. Тягучее.

Дождь закончился через двадцать минут. Как она и говорила.

* * *

Ратушная площадь пропитана магией. Древней кровавой магией, которой пользовались предки тысячи лет назад, когда миры стояли друг к другу ближе, чем можно представить. Когда люди ещё не понимали, где один мир, а где другой, когда любой порог действительно был *порогом*. Именно сюда и пришли первые поселенцы двенадцать тысяч лет назад. Именно здесь начали строить своё поселение, но разрастаться оно начало всего триста лет назад, когда королева Лаэта дала приказ построить в Аньесхеде университет. Первые четыре факультета – медицинский, математический, алхимический и астрономический, на котором училась Аннабель – были построены при ней, а уже её сын, Карл V, приказал построить мост. Говорят, он нанял для этого алхимиков. В это было легко поверить. По крайней мере, маг или два точно провели несколько кровавых ритуалов. Аннабель чувствовала это. Чувствовала кровь. Чувствовала боль. Смерть.

Мост давно уже разобрали и сделали из него площадь, по которой ежедневно ходили сотни людей. Большинство было

студентами и академическим персоналом, еще немного туристов, которые приехали посмотреть на город на рельсах. Некоторые обладали надпороговым восприятием магии. Их тянуло сюда, а они даже не понимали почему. Но в плохом или подавленном настроении они шли сюда, на Ратушную площадь.

Айвин говорил, что ему нравилось среди людей. Нравилось жить в большом городе.

Говорил, что семья не хотела его отпускать. Его удерживали, убеждали, запугивали. Говорили, что в городе он задохнется.

Не задохнулся.

Аннабель и Айвин долго смотрели на белое здание ратуши из крупного кирпича, на красные и коричневые черепичные крыши домов, на бесконечные переплетения рельсов под ногами. Скоро Аньесхеде начнет меняться, убегать от зимнего океана выше, выше, в горы.

– Я люблю города, – сказал Айвин. – Но иногда меня так тянет домой. Иногда кажется, что это физически больно. Наверное, это все магия моей старшей сестры.

– Ты не хочешь их навестить? – спросила Аннабель.

– Я не могу вернуться.

Она кивнула и взяла его за руку.

Нужно было что-то сказать. Но что?

– Ты знаешь легенду, что под Аньесхеде спит дракон? – спросила Аннабель, сжав его руку.

Айвин рассеянно кивнул.

– Как ты думаешь, это правда?

– Я не знаю.

– А ты... не чувствуешь? – тихо спросила она.

Про его народ рассказывали разные небылицы. И про поедание случайно – или не случайно – попавших в их владения людей, и про похищения детей, и про вечную тягу к океану или лесу, и про танцы на освещенных луной полянах. И, конечно, про необычайную связь с драконами, которые считались такими же древними, как и народ Айвина.

– Драконы – не мой профиль, но нет, – он прищурился, затем мотнул головой. – Здесь нет драконов. В вашем мире их ближайшие родственники вымерли миллионы лет назад. Есть кости, но...

Аннабель нарочито тяжело вздохнула. Ей нравились легенды. Возможно, поэтому ей нравился и Айвин. Она не знала точно.

Почему она ему нравилась, она тоже не понимала.

Иногда ей казалось, что она видит его глазами. Или, вернее, видит так же, как он.

Этот мир был ему чужим, но и его родной мир – тоже. Он, как и она, пока не нашел своего места.

Возможно, когда-нибудь у них получится это сделать. Но Аннабель сомневалась, что ей есть место в этом мире.

У нее был дар. Неоформившийся и неуклюжий. Дар, которому не суждено стать чем-то настоящим. Слишком долго

ей не позволяли его использовать. И теперь она, как и многие другие, оказалась в каком-то междумирье, где магия вроде и существует, но ее нельзя использовать в полную силу. Иногда казалось, что это сродни тому, чтобы не научиться ходить или говорить. Не научишься делать это вовремя – не научишься вообще. Такой порядок вещей существовал веками, и лишь несколько лет назад обладающие даром начали выходить из тени.

Она читала про совсем маленьких потерявшихся детей, случайно зашедших за *порог* и пойманных другими существами. Она читала про похищенных детей, которых забирали другие виды. Чаще всего детей возвращали, но случалось это слишком поздно, чтобы те социализировались в обществе.

Саншель писала статью о двоих таких похищенных. Им обоим было уже за сто лет, они так и не научились нормально говорить и даже передвигаться, выглядели дряхлыми, но были живы и даже бодры. Магия наделила их долголетием. Они напевали песни – без слов, только ритм. Песни далеких миров.

Сейчас, с появлением электричества, такое случалось все реже и реже. Слишком много света стало в мире, а свет залезает во все углы и уменьшает магию *порога*.

– Эй ты! – услышала Аннабель. – Узкоглазая!

Конечно, слово было обращено к ней. К кому еще? Вряд

ли здесь была какая-то другая женщина с эпикантусом⁷.

Тощий парень, который обозвал ее, попытался затеряться в толпе. Не успел.

Айвин заставил его стоять на месте. Люди отхлынули, словно испуганная стая рыб.

Аннабель потянула его за руку.

– Не надо, – прошептала она Айвину на ухо. – Пойдем.

Парень подошел к ним сам. Ну, как сам... С небольшой помощью Айвина.

– Я просто ненавижу таких, как вы, – прошипел он через силу. – Вы должны сидеть в резервациях, а не ходить среди людей!

Он продолжал говорить. Аннабель отпустила руку Айвина и замороженно смотрела на обливающуюся потом человеческую особь, захлебывающуюся словами, которые не хотела говорить.

Люди проходили мимо, отводя глаза. Лишь некоторые пялились, частично попадая под действие разума Айвина.

– Ты должен извиниться, – со всей присущей ему вежливостью сказал он.

– Я не буду! – выкрикнул парнишка. – Не перед этой!

Аннабель вздохнула. Она предпочитала не спорить. Она считала, таких не переубедить. Особенно силой.

⁷ Эпикантус, или «монгольская складка» – часть складки верхнего века у внутреннего угла глаза, в большей или меньшей степени прикрывающая слезный бугорок. Один из признаков, характерных для монголоидной расы, редкий у представителей других рас.

Саншель бы, наверное, высказалась бы по поводу его роста или телосложения.

– Извинись. Будет проще. Тогда тебе не придется идти к родителям и говорить, что тебя выгнали из университета за неуспеваемость. А так проживешь спокойно еще полгода.

Тот побагровел.

Айвин улыбнулся.

– Ты не лучше меня, – сказала Аннабель парню. – Твои слова говорят больше о тебе, чем обо мне. – Она тоже улыбнулась, обнажив свои зубы, и парень попятился. – Пошли, Айвин.

Когда он убежал, толпа из тонкого ручейка вновь превратилась в мощный поток. Через пару секунд это место уже забыло, что произошло.

– Ты... зачем? – тихо спросила Аннабель.

Айвин не ответил.

– Я сама могу за себя постоять. А ты ведешь себя, как все эти... – Она неопределенно взмахнула рукой.

– Как все эти мужчины, которые были до меня? Да? – спросил он. – Ты это имеешь в виду?

– Думаешь, правильно применять силу? В его голове все равно ничего не поменяется.

Айвин встал рядом с ней. Осторожно поднял глаза и встретился с ней глазами.

– Я не все понимаю в вашем обществе, – проговорил он.

– Тебе не нужно все понимать. Тебе нужно не вмешивать-

ся, – отрезала Аннабель. – Я же просила.

– Я ничего не мог сделать. Я это не контролирую.

Она хотела отпустить какой-нибудь неприятный комментарий про контроль, но вдруг разглядела кое-что новое. Дар Айвина был не неуклюжим или неоформившимся. Он был просто искалеченным.

– Почему? – она нахмурилась. – Что с тобой случилось?

– Когда-то давно у меня была способность. Очень опасная способность. Именно поэтому ее попытались вырезать из меня. Уничтожить. У них не получилось.

Кажется, стало даже хуже, и она приняла не слишком приятную форму.

– Поэтому ты сбежал?

Айвин не ответил.

Но отвечать было и не нужно.

* * *

Аньесхеде перемещался. Медленно, всего на шестьдесят сантиметров в час, по сантиметру в минуту. Но ландшафт неуловимо менялся. Здания передвигались по маршруту, который знали лишь городские архитекторы и рабочие. И, конечно, Эйрик.

Аннабель читала, изредка поднимая глаза на черепичные крыши, готические шпили, конические башенки. Она сидела на лоджии в квартире Эйрика, пока он и Саншель орали

друг на друга в гостиной. Стоило бы вмешаться, наверное, но Аннабель не знала, что сказать.

Конечно, она выступала против жестокого обращения с существами из других миров. Она знала, что где-то там обсуждаются эти законы. Но это происходило слишком медленно, а иномирные существа умирали здесь и сейчас.

Особенно остро этот вопрос стоял касательно существ, разумность которых все еще была под вопросом.

Последний случай, из-за которого как раз и ругались Эйрик и Саншель, – пойманная где-то в глуши пикси. И не просто пикси, а обладательница особых мутаций, которые делали ее чуть ли не богиней ее народа. Поймавшие пикси охотники продали ее в музей естественной истории, и какое-то время журналисты, юристы, эооактивисты и обыватели обсуждали, что делать с пленницей. А потом ее выкупил один из самых богатых и влиятельных людей Аньесхеде – Аннабель слышала о нем краем уха и даже не знала его имени. Саншель, конечно, не могла остаться равнодушной. И на одном из званных приемов выпустила пленницу.

Эйрик и Саншель ругались в гостиной уже больше часа. Аннабель пришла ровно в три, как они и договаривались, но он попросил подождать и не вмешиваться. Так что она ждала. Сначала они спорили о том, что Саншель сделала. Потом перешли на более личные темы.

Обрывки фраз доносились до Аннабель сквозь приоткрытую дверь.

– Это почти невозможно замаять, ты понимаешь?! – орал Эйрик.

– Так и не заминай! – вторила ему Саншель. – Никто не просит тебя вмешиваться в мою жизнь.

– И какой была бы твоя жизнь без меня?

– Явно лучше, чем сейчас. Мне от тебя ничего не нужно!

– Так уж и не нужно, – хмыкнул Эйрик.

– Уж точно не твои деньги. Я могу сама о себе позаботиться, так что отвали.

Аннабель чувствовала себя лишней и думала, что пора бы уйти, но постепенно стало слишком поздно, поэтому она сидела и пыталась отвлечься. Пыталась думать о работе – начинался новый семестр, и ей дали вести два курса: космологию и теорию света.

Не помогло.

Она снова посмотрела на город, который уже успел немного измениться.

С севера напоззали тучи. Приближалась гроза. Хотя настоящая гроза уже пришла.

Входная дверь хлопнула.

Эйрик вышел на балкон. Выглядел он усталым.

– Ну как? – спросила Аннабель.

Он злобно зыркнул на нее, а потом опустился рядом в кресло.

– Она меня бесит, – сказал Эйрик.

– Нет, не бесит.

– Иногда.

– Иногда, – согласилась Аннабель. – Так зачем ты меня позвал?

– Она вообще не думала о последствиях. Я вел переговоры, я мог выкупить эту дурацкую пикси для нее.

Аннабель почувствовала, как внутри что-то закипает.

– Ты сейчас говоришь про живое потенциально разумное существо.

Эйрик промолчал, стиснув зубы, но Аннабель кожей ощущала его негодование.

– Если бы какие-нибудь альвы похитили тебя, как бы ты к этому отнесся?

– Я понимаю, к чему ты клонишь. Но Саншель могли посадить, и надолго. Я пытался помочь.

– Я знаю. – Аннабель положила руку ему на колено.

– Раньше я бы поступил так же. Но сейчас у меня появилась ответственность. Репутация. Я не могу делать то, что вздумается. Может, я и хотел бы. Но я просто...

Его глаза покраснели.

– Думаешь, я не скучаю по тем временам? – тихо проговорил он. – Но я просто не могу. Я столько лет мечтал сделать что-то. Остановить таяние льдов или спасти вымирающие виды. А теперь я двигаю этот город на север.

Впервые за долгое время он говорил об этом. По первому образованию Эйрик был экологом. И уже после этого стал инженером.

– Ты действуешь глобально, а Саншель локально, – мягко сказала Аннабель. – Это просто разные способы помочь. Вы оба по-своему правы.

– Да уж, – мрачно произнес Эйрик. – Кстати, тебе не кажется, что в последнее время их все больше? Я имею в виду существ из других миров.

– Я об этом и не думала, но, наверное, ты прав. В универе стали чаще об этом говорить.

– Хорошо. Как там у вас с Айвином?

– Охрененно ты меняешь тему, – Аннабель приподняла бровь.

– Не только же тебе обсуждать мои отношения.

– Мне кажется, это не твое дело, – ответила Аннабель.

– Я твой старший брат.

– Четвероюродный старший брат. Значит, у нас около полутора процентов общих генов. Считай, не родственники.

– 1,5625 %, – уточнил Эйрик. – И все же я предупреждал, что это не самая хорошая идея. Но ты решила пойти на поводу у страсти. Видимо, тебе показалось, что это неизбежно.

– На поводу у страсти? Неизбежно? Ты начитался любовных романов, что ли? Откуда эти стремные клише?

– В моей резиденции есть разные люди. Да, некоторые пишут что-то такое. Но чаще это не любовные романы, а попытки деконструировать жанр.

– Это что-то вроде «когда барышня в беде на деле оказывается принцем и спасает дракона»?

– Что-то вроде того. Так что у вас с Айвином? Вы помирились? Ваш медовый месяц кончился? Что-то рановато. Обычно первые пару лет у людей все отлично.

У людей.

– Мы и не ссорились. Тем более Айвин живет у тебя дома на пару этажей ниже. Спроси его сам.

Эйрик приблизился к Аннабель.

– Он стал нелюдимым.

Нелюдимым. А был ли он когда-то лудимым? И что вообще это значит?

– Он меня пугает. Его дар, чем бы он ни был... Это нечто, с чем он сам не может совладать, – сказала Аннабель.

Эйрик помолчал, нахмурившись. Спросил тихо:

– И что ты думаешь?

– Не знаю!

Она вдруг поняла, что боится не Айвина и его изувеченного дара. Она боится его семьи. Тех, кто лишил Айвина его истинного голоса.

Если тебе нравится некто, кто хотя бы с одной стороны не человек, значит, жди беды. Так вроде говорили в сказках.

Аннабель не верила в сказки.

– Мы можем слишком все преувеличивать. Наше восприятие ограничено. Человеческое, я имею в виду.

– Мы с тобой тоже не совсем люди, – напомнил Эйрик.

– Тем более.

Захотелось пойти на кухню, открыть бутылку виски или

шампанского и говорить-говорить-говорить обо всем, обо всем до самого утра, как раньше, когда они были молоды. Позвать Саншель и снова и снова смотреть, как эти двое мило грызутся друг с другом, и жить надеждой на то, что мир однажды изменится, и ты будешь частью этих перемен. А сейчас вы с друзьями просто говорите до самого утра, а ночь становится маленькой бесконечностью для вас всех, и это самое лучшее время, которое только можно представить. Маленькая карманная вселенная, которую ты всегда можешь взять с собой. Или оставить. Или забыть. Или выбросить.

– Твоя мачеха звонила, – сообщил Эйрик как бы невзначай.

– И что сказала?

– Что нашла тебе подходящую партию. Сказала, что он даже может тебе понравиться. Почти твоего возраста. Симпатичный. А отец его сильно болеет. Так что если ты одумаешься и бросишь свою глупую учебу, то скоро станешь герцогиней какой-то там области Арморики. Я забыл точно какой.

Аннабель хохотнула. Стать герцогиней тонущего полуострова. Именно то, о чем мечтает каждая девушка.

– Скажи, что мое сердце навсегда принадлежит Саншель, и я ни на кого ее не променяю.

– Это я уже говорил. Но она лишь сказала, что браку это не помешает. Ты вполне можешь... совмещать.

– Эвфемизм отличный. Это она придумала или ты?

– Уже и не помню.

С неба начали падать первые капли.

Осень подступала к городу. Море тоже подступало, хотя его не было видно за бесконечными движущимися крышами.

Аннабель не любила ливни. Но сезон дождей и приливов неумолимо приближался.

Она чувствовала это, как чувствуют люди с больными суставами смену погоды.

– Так зачем ты меня позвал? – спросила она.

– Мне нужен консультант. По магии.

– Тебе? – удивилась она. – Ты же можешь нанять кого угодно. Айвин, например, явно разбирается в магии лучше. Да и многие другие тоже.

Эйрик посмотрел на нее серьезно как никогда.

– Я подумал, что тебе может быть интересно. Есть одно безымянное озеро в Рифейских горах. Там нашли кое-что. Странное.

Аннабель почувствовала, как ее руки покрылись мурашками. Даже слова, обычные слова, несли эхо открытия.

– Кто нашел?

– Один потерявшийся альпинист. Но сейчас там уже собралась куча народу. Руководит всем археологический факультет Карнакского университета.

– И что же именно там нашли такого странного?

– В том-то и дело. Они не знают, поэтому я поеду посмотреть. Возможно, выделить им финансирование. Но мне ну-

жен консультант.

– Значит, ты нанимаешь меня? – Аннабель почувствовала, как уголки ее губ против воли лезут вверх.

Эйрик криво улыбнулся.

– Не обольщайся. Айвин едет с нами.

Она вздохнула. Видимо, избегать его вечно не получится.

ПРОРОЧЕСТВО

Море и холмы звали. Влекли к себе.

Осенью становилось тяжелее всего.

Моря не было видно, не из окна его резиденции, но он чувствовал его, как хищник чувствует кровь.

Вдыхая воздух, облизывая губы, он чувствовал соль. Ему снились бесконечные волны, накатывающие друг на друга, перекрывающие друг друга, и не было берега, не было земли, ничего не было, кроме моря.

И не найти покоя. Нигде и никогда.

Сколько он себя помнил, море всегда влекло его к себе. Но никакое море не могло сравниться с Рекой-между-мирами. Конечно, это не была река в полном понимании этого слова, но ему нравилось это название. Он сам же его придумал, когда еще играл со старшей сестрой там, где встречаются три мира, – море, небо и земля. Это название подходило, потому что там, где остальные видели *пороги*, он видел ледяную звездную бездну. Каждый переход из мира в мир походил на

погружение в воду. Айвин не любил эти переходы – они изматывали его гораздо сильнее, чем других. Когда-то давно все происходило проще. Раньше он был молод.

Он сел за стол и принялся печатать.

Что бы ни случилось, он собирался закончить книгу.

Семья была против. Он чувствовал это сквозь миры. Он даже не знал, что такое возможно.

Айвин решил об этом не думать.

И все же тяжело писать учебник, если ты не филолог. Эйрик снабжал его необходимой литературой и выделял преподавателей литературоведения, языкознания и лингвистики, и Айвин учился, учился, учился. Впитывал знания. Но ему всегда казалось, что нечто важное ускользает от него.

Как можно научить языку, который постоянно меняется, даже на бумаге?

Иногда ему казалось, что язык сможет замереть, если больше разных народов, видов и рас выучат его. Из многих вероятностей его язык превратится в реальность. Зафиксируется в мире. Во всех мирах.

Семья не одобряла нынешнее его место жительства. Что уж говорить об учебнике языка, который он писал. Они не хотели, чтобы кто-то его узнавал. Они чахли над своим языком, как драконы чахнут над своим золотом.

А еще он скучал по Аннабель. Они знали друг друга с конца весны, а не виделись после того разговора на площади лишь пару недель, но он уже скучал. Он вспоминал все те

пошлые затертые штампы: ее изящный профиль, тонкие белые запястья, не очень мелодичный, но очень милый смех, темные длинные волосы. А еще разговоры о науке и мире, об абстракциях и Вселенной, о свете и магии. И все вот это самое, что обычно вспоминают влюбленные.

Он мог бы дотянуться до нее, но не хотел. Она могла понять и подумать, что он вторгается в ее личное пространство. Поэтому он – как мог – сдерживал себя.

Она позовет, когда будет готова.

* * *

Эйрик листал рукопись. Он то сосредоточивался на написанном, то наоборот пытался расфокусировать взгляд.

Порыв ветра принес еле уловимый запах моря, и Айвин тут же вскочил на ноги.

– Я закрою окно, ты не против?

Эйрик отмахнулся – все равно.

С закрытым окном стало легче. Чуть-чуть. Пока Эйрик листал рукопись, Айвин смотрел, как медленно, но необратимо меняется архитектура города. Нынешний рисунок улиц больше никогда не повторится. По крайней мере, не в обозримом будущем.

– Этот язык – он искусственный, верно?

Айвин кивнул. Это был правильный вопрос.

– Периодически я вижу знакомые символы, но... – Эйрик

развел руками. – Я бы предположил, что он создан народами из разных миров, чтобы... Для чего, Айвин?

– Да много для чего. Чтобы сохранять *пороги*, например. Без этого языка нам приходилось бы добираться из одного мира в другой через космос или кротовые норы. Долго, дорого, неэффективно, бессмысленно.

– А я бы хотел полететь на Луну, – сказал Эйрик.

– Зачем лететь, если туда можно просто шагнуть?

– Не знаю. Я читал про нашу древнюю космическую программу, слышал всякие легенды из других миров.

Айвин в какой-то степени понимал его. Романтика космических путешествий и ему была не чужда. Когда-то он писал истории про покорение других планет с помощью специального оборудования. Тогда ему казалось, что преодоление земной тверди с помощью собственных усилий имеет бóльшую ценность. Спроектировать и построить космический корабль, годами готовиться к полету, учиться пилотировать, поддерживать работу сложных механизмов...

Потом он понял, что в жизни и так найдется что преодолеть.

– Я не могу проводить курсы, потому что прочтение этого языка для каждого свое. Символы не меняются. Просто ты видишь чужое прочтение. Тысячи чужих прочтений. Когда ты найдешь свое, все изменится. Ты все поймешь.

Эйрик удивленно поднял глаза. Он явно этого не ожидал.

– Есть вообще вероятность, что я однажды пойму все это?

– Да, вероятность есть. Может, тебе нужно больше пытаться. Может, наоборот, отвлечься. А может, тебе не хватает правильной мотивации.

– Да-да, – отозвался тот, снова зарывшись в рукопись. – Чего мне не хватает, так это вина. Возьмешь бутылочку зеленого?

– Конечно, – кивнул Айвин и отправился в хранилище. В этом мире он тоже успел полюбить вино.

ПРОКЛЯТЬЕ

Дракон не отвечал. Да и что он мог ответить?

Дракон не двигался. Он был слишком тяжел, чтобы двигаться.

Но что-то направило ее сюда. Что-то звало. И она пришла.

То, что обычные люди приняли бы за камень, было его кожей.

Она сидела, прислонившись к одному из гребней.

Наступала ночь, но вокруг не было ни одной сирены. Слишком жарко, вода почти кипит. Все морские создания давно уже уплыли. Или сварились.

– Ты так ничего и не скажешь? – спросила она, похлопав его – или ее? – по голове. – Я пришла к тебе со своим проклятьем. Я забываю свою жизнь. С каждым днем я помню все меньше. Я пыталась вести дневник, но потом стало слишком больно. Я не могу так больше. – Она легонько стукнулась за-

тылком об его рог-скалу. Затем еще и еще. Спрятала лицо в колени. – Я готова принять проклятье полностью. Но только чтобы сразу. И чтобы не осталось ничего от меня. Ничего из того, что я помню. Я читала про убийство дракона. Если я убью тебя, то смогу стать тобой. Я читала про обмен. Если я смогу отдать тебе нечто ценное, проклятье спадет. Но все, что у меня было, давно потерялось, забылось. У меня было то, что я люблю. Я помню это. Были люди, были дела. Но теперь остается все меньше и меньше.

Она вздохнула, встряхнув бутылку. Вода почти кончилась.

– Мне нужно возвращаться. Без воды я точно скоро умру. А если... – Она задумалась. – Или это какое-то испытание. Я должна умереть, да?

Шелл сползла по гребню и легла на спину. На небе горели звезды, такие яркие, каких никогда не увидишь ни в одном городе. По крайней мере, в ее городе – иначе она бы так не удивилась.

– Хочешь, я расскажу тебе про звезды? Они далеко. Световые годы или десятки световых лет. Или даже сотни. Они разбросаны в пространстве. Некоторые считают, что звезды неподвижны – это не так. Звезды постоянно движутся, галактики постоянно движутся и даже иногда сталкиваются, а потом миллионами лет испускают звездное вещество в пустоты между ними. В вакуум. Хотя идеального вакуума тоже не существует – в нем есть атомы водорода. Некоторые дума-

ют, что звезды живут вечно, но звезды рождаются и гаснут, а потом, после их смерти, из их праха появляются новые.

Она замолчала, потому слабое воспоминание поднялось на поверхность усыхающего озера памяти. Кто-то важный. Кто-то очень и очень важный. Друг? Возлюбленный? Отец? Ребенок? Кто?

– У меня был... близкий человек, который знал про звезды все, что могут знать люди. Хотя, конечно, не все. Но многое. Он знал, что свет – это самое быстрое, что есть в мире. Он вообще много знал про свет. Ты ведь знаешь, что свет всегда находит самый оптимальный путь? Даже если свету нужно отражаться или преломляться, он всегда найдет самый быстрый путь. Только на самом деле свет ничего не выбирает. Он просто движется во всех направлениях. Я помню, он... она рассказывала мне об этом. Но я даже не помню ее лица. Я ничего не помню. Наверное, я пришла слишком поздно. Или слишком рано.

Дракон не отвечал. Он не мог ответить. Он был слишком тяжел. Его тело ушло вниз, проросло в эту землю под собственным весом, а над ним были кубометры и кубометры воды.

И тут она услышала что-то. Долгий утробный звук внутри холма. У звука появился ритм.

Дракон пел для нее. Пел без слов, но Шелл видела, как звезды рождаются и гаснут, как свет выбирает сразу все пути, но сумма всех этих путей равняется самому короткому

пути.

Она видела великие миграции народов и видов из одних миров в другие. Прошрое ей дракон показывал или будущее – Шелл не знала, но была уверена, что это однажды произошло или произойдет. Или это происходило много раз и произойдет еще много раз. Вселенная циклична.

Иди, услышала она.

Куда?

Закрой глаза, и ты найдешь путь. Скоро ты найдешь все ответы.

А ты? Ты останешься здесь?

Дракон молчал, и Шелл чувствовала бесконечное одиночество.

– Я вернусь к тебе, – прошептала она. – Я обещаю, что вернусь.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Мир изменился, когда чудовище под озером проснулось. Легенда гласила, что именно тогда в мир вернулась магия, миры начали сближаться, наползать друг на друга, проникать, вливаться друг в друга.

Спустя тысячи лет все забыли, где находится это озеро. Забыли даже, как оно называлось.

Но, конечно, это просто легенда. Но Эйрик стал ею одержим почти так же сильно, как был одержим языком Айвина.

Ему мерещилась связь между ними, но он и подозревал, что это все от недосыпа.

Меняющиеся знаки уже мерещились ему везде, постоянно снились, и Саншель говорила, что надо отвлечься, но это было слишком сложно. Поэтому Эйрик решил пойти на компромисс с самим собой. Можно и отвлечься, и пообщаться с носителем.

Обычно он не ходил по барам, а устраивал вечеринки у себя, но сейчас подумал, что Айвину тоже не помешало бы узнать немного больше об аньесхедских местах.

Они встретились у статуи целующихся студентов на небольшой пешеходной улице и направились в первый по плану Эйрика паб.

– Как у тебя дела? – поинтересовался он. – И когда я спрашиваю об этом, то я не имею в виду твои отношения с моей кузиной.

– Все в порядке, – сдержанно ответил Айвин. – Думаю, я скоро закончу.

Прекрасно. То, что нужно.

Они сели за барную стойку и взяли по пинте пива. Несмотря на свое загадочное происхождение, пьянел Айвин довольно быстро.

– Значит, ты пригласил меня, чтобы больше узнать о моем языке? – спросил он, сделав большой глоток.

– Ну... В общем, да. Но ты не обязан об этом говорить. Вместо этого ты можешь рассказать о себе. Я же о тебе почти

ничего не знаю, кроме того, что...

Продолжать не стоило. Даже начинать не стоило. Разговоры о семейных распрях – это почти всегда хождение по минному полю.

– Я даже не знаю, что тебе рассказать. Я почти не помню своего детства, но мне рассказывали, что первые годы меня растил отец, пока мать не похитила меня у него.

– Зачем она это сделала?

– Это то, что делает ее народ. Похищает детей. Вернее, подменяет. Знаешь, забирает одного, а вместо этого выдает кустарную поделку.

Эйрик присвистнул. Такого поворота он не ожидал. Но ему было слишком интересно, чтобы тактично промолчать.

– А что твоя мать оставила отцу?

– Голема, созданного из генов наших предков. Вроде бы это была какая-то злая месть, но отец немного поработал над ней и создал нечто более-менее разумное. Мою младшую сестру.

– И что было дальше?

– Ничего особенного. Матери быстро надоело со мной играть, поэтому меня растила старшая сестра. А потом я стал относительно самостоятельным и сбежал. Сестра пыталась меня достать, но потом ей это надоело. Несколько раз я видел отца, несколько раз – младшую сестру. Не то что бы им было до меня дело. А вот потом, когда я начал писать, они вдруг захотели меня найти. Обычная семья из народа холмов.

– А ты не хотел вернуться?

– Нет уж, – Айвин криво улыбнулся. – Никогда. А потом я понял, что мои истории сбываются. Вот тогда-то я и стал осторожнее. Какое-то время я ничего не писал. Долго.

– И что же изменило твое мнение? Ты ведь снова стал писать.

– Я увидел чудовище, поглощающее миры. И я решил, что должен его остановить.

ПАРАДОКС

Она нашла его в Старом городе – неподвижных развалинах, которые каждую зиму скрывались под водой полностью или частично. Когда-то Аньесхеде был неподвижным. Когда-то океан не подступал к порогу каждую зиму, а ледяные океаны на полюсах планеты не таяли с огромной скоростью.

Студенты любили эти места. Здесь можно было и устроить вечеринку, и сфотографироваться в постапокалиптическом антураже, и просто прогуляться, чтобы почувствовать неумолимое движение времени. Или все вместе одновременно. Когда Аннабель была студенткой, то приходила сюда каждые выходные. Или около того.

Как это было давно.

Айвин ждал ее у того места, которое даже студенты обходили стороной. Не потому, что здесь было как-то страшно или опасно, – просто веяло чужой магией. Аннабель все-

гда забавляла – и пугала одновременно – людская надпороговая способность чувствовать магию. Стремиться к Ратушной площади, где все было пропитано магией крови, но обходить места, где магия была *чужой*. Даже у Аннабель от этого места кожа покрывалась мурашками.

Он сидел на крыше когда-то желтого трехэтажного здания и болтал ногами. Она зашла в дом – внутри до сих пор пахло йодом и сгнившими водорослями. Поднялась по шаткой лестнице и вышла на плоскую крышу, покрытую настилом, напоминающим спортивный тартан. Может, когда-то здесь и спортом занимались. Бегуны вполне могли тренироваться на короткие дистанции.

– Привет, – сказал Айвин. – Нашла меня, значит.

– Я не искала. Я *знала*, где ты.

– Логично. Кстати, здесь и правда тренировались зимой.

Или когда шел дождь.

– Теперь ты читаешь мысли? – спросила Аннабель.

Айвин замялся и ответил:

– Я просто знал, что именно ты спросишь. Будто бы это дежа вю.

Аннабель подошла поближе и похлопала его по плечу. С высоты третьего этажа уже открывался океан. Скоро он будет здесь.

– Я совсем запутался. Просто меня очень-очень – как бы сказать правильно? – раздражает такой подход. Все здесь же делают вид, что все хорошо, когда далеко не все хорошо.

– Поверь, это вполне прогрессивное место. Я закончила университет, получила степень, теперь преподаю и могу писать научные статьи. Все в порядке, – она села рядом, тоже свесив ноги.

– И все же... – Айвин не договорил, потому что Аннабель прижала палец к его губам.

– Да, у нас есть проблемы. Я знаю. Но ты не можешь изменить это. Не должен. Этим займемся мы сами.

Айвин снова уставился на океан.

– Тебя не завораживает вода? – спросил он.

– Меня завораживает все условно бесконечное. Океан. Звезды. Ты.

– Значит, я условно бесконечный? – Айвин покосился на нее, еле заметно улыбаясь.

– Ты долго живешь. И будешь жить гораздо дольше, чем я.

Ее прервал резкий холодный порыв ветра, и Аннабель поехала.

Однажды она превратится из реальности в историю. Но об этом она говорить не стала. Слишком пафосно прозвучало бы. Да и зачем, когда они оба и так все знают?

– Аннабель... – он положил холодную руку ей на щеку. Заглянул в глаза. – Я...

– Я все понимаю.

– Я могу жить, как человек. Если ты хочешь.

– Как человек?

– Я могу стать человеком. Я могу умереть.

Он предлагал искренне, она это знала. Но...

– Нет, – она смущенно рассмеялась. – Мы и знакомы-то всего-ничего. И ты должен идти дальше. Есть так много миров. И, может, я тоже смогу их когда-то увидеть. Как ты думаешь?

Айвин осторожно обнял ее за плечи, и Аннабель уткнулась лбом в его шею.

– Ты увидишь эти миры. Увидишь китов, которые плывут над землей. Города в космосе. Замки, выращенные из дерева. Миры, разрушенные войной, и миры, процветающие в достатке. Иногда второе наслаивается на первое. Чаще наоборот. Ты увидишь животных, которые никогда не существовали на вашей планете. Увидишь бесконечность миров. Архипелаг. А значит, ты увидишь то, что находится дальше.

– Дальше? – осторожно спросила Аннабель, потому что тон Айвина вдруг стал напряженным.

– То, куда мы падаем.

Не нужно было пояснять – она сразу все поняла.

– Великий аттрактор⁸. Чудовище из моих уравнений.

– Однажды ты поймешь, что бесконечность ближе, чем кажется, – сказал он убийственно серьезно.

– Звучит как цитата из какой-то песни.

– Возможно. Я успел услышать много песен в разных мирах. Услышать, написать, спеть.

⁸ Великий аттрактор – гравитационная аномалия, расположенная в межгалактическом пространстве.

- И все они были обо мне, – Аннабель рассмеялась.
- И все они были о тебе.

Глава 2,5

Прошло немало времени и вереск на холмах успел уснуть и проснуться множество раз, прежде чем зеленые глаза Эвана стали серыми, а рыжие волосы потускнели. Будто бы с него опадала позолота и проявлялось то самое настоящее, его каркас. Он чувствовал, как магия леса, холмов и моря постепенно покидает его. Поэтому его зеленые глаза переставали быть зелеными, рыжина ушла, и даже часть татуировок исчезла.

Когда они оба все поняли, Эван уже успел сильно измениться. Он не до конца превратился в человека с человеческими мыслями и противоречиями, но уже не принадлежал ни народу холмов, ни народу света и пустот.

И сколько бы раз он ни пытался найти путь в свой мир, где низкие тучи над холодным морем, где у болот танцуют дрожащие огоньки, сколько бы раз ни пытался призвать свой народ, ничего не происходило. Они покинули его. А потом его покинула и Анна.

Он похоронил ее под эбеновым деревом, из тех, что заминают разговоры о любви. Попрощался с друзьями и отправился вперед.

Его ждала долгая-долгая жизнь.

Глава 3

ПАРАДОКС

О найденном озере говорили все. Как пронюхали журналисты – никто не знал. Даже Саншель не знала, откуда именно поползли слухи, и клялась, что это не она разболтала.

Впрочем, слухи в небольшом городе расползались быстро, и было уже поздно.

А за день до экспедиции резиденцию Кенельма окружили заинтересованные. Кто-то из них понимал, что происходит. Другие – большинство – *чувствовали*. Кто-то больше, кто-то меньше. Кого-то просто принесло течением толпы.

Аннабель словно бы своими глазами видела колышущиеся массы, похожие на медуз или полипы, обступившие высокий металлический забор, выкрикивающие что-то бессмысленное.

Она могла бы *увидеть* больше, но они с Эйриком уже были в лифте и ехали вниз на подземную парковку. Собранные, готовые к новому приключению.

– Ты что-то чувствуешь? – спросил он, когда они сели в машину на заднее сидение.

– Это они чувствуют.

– Подпороговое восприятие?

– Скорее надпороговое.

Эйрик кивнул.

Машина выехала из тоннеля неподалеку от резиденции, но люди заметили это не сразу. Те начали что-то понимать только тогда, когда Эйрик и Аннабель уже выезжали из района.

Машина катила по каменной брусчатке, расчерченной бесконечными рельсами домов.

– Пороховая и Нерудова улицы закрыты, – сообщил водитель. – Придется сделать крюк.

– Не страшно, – беззаботно откликнулся Эйрик. – Время еще есть.

Аннабель усмехнулась. Времени у них сколько угодно. Без них поезд все равно не уедет.

* * *

Если бы она ехала одна, то взяла бы место в общем спальном вагоне или в шестиместном купе. Не то что бы у нее было много денег на такую роскошь. Но сейчас она была консультантом самого Эйрика Кенельма – что бы это ни значило, – а потому ей выделили отдельное купе с рабочим столом и душем.

Кровать была заправлена идеально ровно, без единой

складки, поэтому Аннабель уселась за стол.

До отправления поезда оставалось несколько минут. Стоило заглянуть к Айвину. Возможно, пригласить его в вагон-ресторан. Или к себе. Или...

В дверь постучали. Не Айвин. Не Эйрик. Саншель.

Аннабель осторожно открыла.

– Привет! – Не дожидаясь ответа, Саншель прошла в купе. Плюхнулась на кровать и закинула ногу на ногу. – Ну как? Готова к поездке?

– Не знала, что ты тоже едешь. – Аннабель не могла оторвать взгляд от нарушенного порядка покрывала.

– Я тоже не знала. Но поднялся такой ажиотаж...

– Значит, тебя отправили в командировку? – поинтересовалась Аннабель.

Саншель вздохнула.

– Это все Эйрик. Он позвонил в редакцию. Терпеть не могу, когда он все устраивает, но сейчас это было даже хорошо. Все лучше, чем писать статью о фестивале еды, – кисло сказала она.

Аннабель криво улыбнулась.

Она бы, наоборот, хотела оказаться на фестивале еды.

– Там, возможно, открытие века, а у тебя такое лицо, будто ты в очереди к зубному, – проворчала Саншель.

– Странное предчувствие.

– Плохое?

Аннабель покачала головой. Затем пожала плечами. По-

терла лоб.

– Сложно сказать. Ощущение какой-то бессмысленности. И дежа вю. И... не могу подобрать слово.

– Ты говорила Эйрику? – Саншель нахмурилась. – Ты все-таки консультант по магии.

– Пыталась, но он слишком увлечен, чтобы слушать меня сейчас.

– Да уж. Увлеченный Эйрик никого не будет слушать. Хотя разве не все мы такие? Помню, как тебя унесло в морскую биологию.

Аннабель улыбнулась. Она действительно чуть было не стала биологом. Первый год в магистратуре прошел чудесно – чтение научных статей, выезды на природу, изучение эволюции флоры и фауны. А потом началась практика в лаборатории с кропотливым разбором образцов водорослей. Именно эти часы, пока она сидела, не разгибая спины и отделяя харовые водоросли от красных, спасли ее от падения в бездну. Вернее, на морское дно. Но второй год магистратуры Аннабель все-таки закончила. Но скорее из-за упрямства, чем от любви к биологии.

– О! – вырвалось у Аннабель.

– Что?

– Айвин здесь. Мы отправляемся.

Действительно, поезд почти сразу тронулся.

– Ты уже настроилась на него? Так быстро? Со мной потребовалось лет пять.

– Четыре, – сказала Аннабель. – С половиной.

Да, на это потребовалось время, хотя в университете они сразу начали общаться. В конце концов, даже поселились в одной комнате в общежитии.

– Помнишь? Нас называли Шелл и Белл. – Саншель поморщилась.

– Терпеть не могу это сокращение, – отозвалась Аннабель.

– Я тоже.

ПРОКЛЯТЬЕ

На лекции было скучно. Она пошла туда, потому что почувствовала отголосок прошлой жизни, но лектор говорила путанно и туманно, а несколько досок были испещрены уравнениями и формулами. А какое было многообещающее название.

«Многомировой архипелаг и физика *порога*».

На деле оказалось непонятно. Ну, хоть лектор была симпатичная. Звали ее непривычным именем Рия Брейхер. В огромной аудитории-амфитеатре находилось человек пятьдесят, и ее голос отдавался громким глубоким эхом. Или это все физика *порога*?

У Рии были прямые пшеничные волосы, заплетенные в косу, такие длинные, каких Шелл еще не видела.

Немного из лекции Шелл все же поняла. Например, то, что разница между физикой и магией не имеет смысла, осо-

бенно в мирах, которые находятся ближе всего к Великому аттрактору. Знакомые слова, *почти* понятные, почти имеющие смысл. Ключевое слово – почти.

После Шелл подошла к Рии. Она хотела спросить о *пороге*. Как оказалось, тема интересовала многих – вокруг той собралась целая толпа студентов. Шелл подошла поближе к столу, чтобы послушать вопросы.

– А как вы путешествуете между мирами? – спросила темноволосая молодая девушка – такая ужасно знакомая, что стало больно, – но голос утонул в море других голосов.

Что-то из прошлой жизни выплыло откуда-то из глубин и коснулось поверхности сознания.

Она пригляделась к девочке. Изящная, худенькая, в грубой льняной одежде, она казалась совсем хрупкой.

Рия что-то ответила, но Шелл не расслышала.

Слишком много людей. Слишком много вопросов. В ушах шумела кровь.

Они спрашивали о других мирах, о других существах, об архипелаге миров. Спрашивали жадно, потому что хотели понять. Хотели увидеть. Если бы они только знали...

Она забыла почти все, но все лучше и лучше могла переходить *пороги*. Хотели бы они этого?

Где-то с полчаса Шелл простояла в аудитории, но когда поняла, что поток людей не спадает, вышла на улицу.

Снаружи было прохладно, солнце уже почти опустилось за красные черепичные крыши высоких каменных домов.

Шелл села на скамью рядом с университетом и попыталась собрать мысли в подобие упорядоченной кучи.

Она помнила Зелу, которая явно не была человеком. Помнила дракона. Даже то дерево, которое нашептывало разговоры влюбленных.

И больше ничего.

– Вы в порядке? – услышала она и подняла голову.

Перед ней стояла та самая темноволосая девушка. Теперь на ней была кожаная куртка. Позади нее стояла Рия Брейхер, кутаясь в меха.

– А? Что? Да. Конечно, – рассеянно отозвалась Шелл.

– Вам понравилась лекция? – спросила Рия.

– Математика слишком сложная. Я не все поняла.

– Это лекция в основном для математиков. Вы учитесь на факультете физики или математики?

– Нет. Я уже отучилась.

Ответ пришел сам собой, и Шелл поняла, что это, видимо, правда. Что-то же она должна была знать. Чем-то же должна была увлекаться. Заниматься. И вряд ли этим чем-то была семья.

Внутри кольнуло.

Или все-таки семья?

– Темнеет, – сказала девушка, кутаясь в свою курточку. – Ночь будет холодной. Вас, наверное, стоит подвезти? А то у нас тут... – она замялась.

Шелл указала на себя пальцем и вопросительно припод-

няла брови.

– Да, вас.

– На чем?

– У меня машина. Тут недалеко, пойдёмте.

Пока они втроем шли вдоль темнеющей улице, в трёхэтажных кирпичных домиках зажигался свет. Из труб начинали виться струйки белого дыма. Рия шла позади, и Шелл показалось, что той не особо хочется говорить. Поэтому она спросила у девушки:

– А вам понравилось?

– Очень. Но я тоже не все поняла. Потому что я ещё не студент, – она вздохнула.

– Удивительно, – вмешалась в их разговор Рия. – Вы задавали очень хорошие вопросы.

– В этом году не прошла по квоте. Брала тридцать человек. Я была тридцать второй. Не так обидно, как если бы была тридцать первой, – она улыбнулась. – Но в следующем году я пройду. И тогда смогу жить здесь. – Она окинула затишающийся темнеющий город рукой.

– Кстати, как вас зовут? – снова поинтересовалась Рия.

– Аннабель. – Это имя! Важное имя. Очень важное имя. – Но все зовут меня Белль. А вас?

– Шелл, – прошептала она.

– Отлично! – Белль заулыбалась.

– Красивое имя, – сказала Рия и повернулась к Аннабель. – Так вы хотите переехать в город?

– Да, – ответила она застенчиво. – Там, откуда я, совсем мало людей. Я хочу чего-то другого. Относительно близко к дому, но при этом настолько далеко, что не придется каждую неделю плавать с отцом на его ржавой посудине. Мы ловим рыбу, – пояснила Белль.

– Значит, вы с севера? – уточнила Шелл, которая пыталась разобраться в географии этого мира.

– Вы слышали о землях Дану⁹?

– Возможно, – сказала Шелл, хотя и не была точно уверена.

– Это острова на северо-западе континента. Не Северный Калотт¹⁰, а дальше, гораздо дальше в море.

И она начала рассказывать.

Перед глазами Шелл раскинулось холодное серое море, по которому бежала крупная рябь. Ветер там никогда не утихал, волны бились о камень, а на утесах гнездились птицы, невозможно много, не сосчитать, не охватить взглядом. Солнце показывалось редко, очень редко, просвечивало сквозь рваную ткань облаков, светило, но не грело. В том краю никогда

⁹ Дану (Дана, Ану, Ана, Дон) – в кельтской мифологии богиня созидания, мать-прародительница основной группы богов, могущественных и прекрасных туатов, вошедших в предания как Племя богини Дану (Туата де Дананн – Племя богов, чья мать Дана), правивших Ирландией до прихода Сыновей Миля (людей), предков современных ирландцев.

¹⁰ Северный Калотт – северная часть Фенноскандии. Чаще всего под Северным Калоттом подразумевают расположенные севернее Северного полярного круга территории Норвегии, Финляндии и Швеции, а также российской Мурманской области.

не становилось тепло – лишь пару-тройку дней в году можно было скинуть куртку.

Она представила себе земли Дану как наяву.

Все встало на свои места. Какой-нибудь далекий потомок *перешедших* фейри. Капля способностей, щепотка сочувствия и непреходящая тоска по далеким землям. Такие нигде не могли прижиться. Им приходилось постоянно странствовать. Их не хотели принимать. Она таких знала. Точно знала.

Может, она и сама была такой.

Шелл не могла вспомнить. Только почувствовать.

– Вот она.

Девочка не соврала. У нее действительно была машина, которая выглядела и даже была... винтажной? Шелл не знала, почему подумала так. Когда-то она видела такой транспорт. Когда-то давно.

Белль уселась на место водителя, Рия села сзади, и Шелл решила сесть на переднее сидение.

– Куда вас отвезти? – спросила Белль.

– Я... не знаю.

Та не удивилась, просто завела машину и тронулась с места.

– Так откуда вы? – спросила Рия. – Ваша речь. Вы ведь не отсюда.

– Пожалуй. Я не отсюда и...

– Значит, вы из другого мира?

Шелл кивнула.

– А откуда? – поинтересовалась Белль.

– Я... – голос осип, а на языке появилась горечь. – Я не помню. Когда-то я знала, *куда* иду. Но это было давно.

Иногда Шелл записывала. Когда она начала писать, то не думала, что нужно что-то пояснять. А потом стало понятно, что пояснять уже поздно – она и так все забыла.

Кто она, откуда она, за что она.

Иногда казалось, что она вот-вот вспомнит. Но каждый раз ощущение обрывалось.

– Значит, вы не помните, откуда пришли? – уточнила Рия.

Шелл осторожно пожала плечами.

– Иногда я спрашиваю других об их мирах, они отвечают, и в их словах я нахожу крупинцы своего знания. Какие-то имена, названия, даже цвета. Поэтому, если вы не возражаете, госпожа Рия, скажите мне, откуда вы?

Та спрятала лицо в мехах, и Шелл поняла, что ее отвращает сама мысль носить на себе мертвый мех для красоты. Это было важно для нее когда-то.

– Я живу в мире, который находится очень далеко. Там особо нет людей. У нас простая жизнь. Мы смотрим на звезды и наблюдаем за Вселенной.

– Но сейчас вы здесь, – сказала Шелл.

– Я хочу, чтобы мой брат вернулся в семью. Не более того, – Рия улыбнулась. – Ради этого я и приехала.

– А сейчас мы едем к ведьме, которая живет на севере, –

проговорила Белль.

– К ведьме?

– Да, – Белль кивнула.

Шелл тут же увидела молодую черноволосую женщину с глазами древними, как мир. Она сидела в кресле с массивными подлокотниками, заставленными едой и напитками. В тонких белых руках она держала кубок. Взгляд ее отрешенно блуждал... пока не наткнулся на Шелл. На губах ведьмы появилась еле заметная улыбка.

– Возможно, она сможет помочь, – продолжила Белль. – Но...

– Но? – спросила Шелл, затаив дыхание. Видение рассыпалось, распалось на тонкие белесые ниточки, увядало.

– Она берет плату.

– Плату? Какую?

– Тебе придется отдать что-то равноценное, – сказала ведьма и окончательно растаяла.

ПАРАДОКС

Все дни поездки Эйрик ругался с Карнакским университетом. И с руководством по телефону, и с профессорами, которых взял с собой. Магистранты и аспиранты не спорили и не ругались, а просто благоговейно смотрели на него и в основном сторонились. Некоторые особо смелые пытались заговаривать с ним в вагоне-ресторане. Но ему было не до

того. Он самозабвенно ругался и всегда был раздражен.

Карнакский университет и Эйрик решали, кому принадлежит озеро. Как делить водный бассейн, как и кому исследовать какую часть, делиться ли найденным и все такое прочее.

Айвин, Аннабель и Саншель остались не у дел.

Эйрик через пару дней рассказал, что та бедняжка пикси не смогла улететь и умерла, а тело даже не вернули ее соплеменникам. Саншель предполагала, что теперь всем займутся таксидермисты. Ну а через год, когда уляжется шум, в музее естественной истории Аньесхеде появится новый экспонат. Если кто-нибудь не выкупит, чтобы порадовать свою молодую жену. Ну, или мужа.

Аннабель считала это отвратительным. И если раньше она просто возмущалась в кругу близких, то теперь поняла, что пришло время что-то менять. Видимо, в себе.

Официально они с Айвином жили в разных вагонах, но в итоге перебрались в купе к Аннабель – поближе к вагону-ресторану.

Кормили в поезде бесплатно, ведь всем заправлял Эйрик. Отличная поездка. Не каждый вечер ты ешь красную рыбу на ужин. Студенты всегда садились поближе к Айвину – его магия завораживала. Привораживала. Один магистрант с факультета экологии постоянно караулил Айвина рядом с выходом из купе. Делал вид, что любит проносящимися мимо пшеничными полями, но на самом деле... Аннабель не

знала, что на самом деле.

Однажды вечером Айвин проводил того мальчика в его купе и долго не возвращался. Аннабель в это время лежала в постели и под мерный успокаивающий стук колес пыталась понять, что происходит в третьей главе его книги. И практически ничего не понимала. Ей постоянно нужна была помощь.

Айвин пришел поздно и уткнулся ей в плечо.

Стоило что-нибудь спросить. Но что?

– Несчастливая история любви, – коротко ответил Айвин.

Аннабель кивнула. Обычная история среди студентов. Даже у нее такое случалось. Дважды.

Чем ближе они подбирались к месту назначения, тем больше усиливалось предчувствие чего-то большого, даже глобального. Аннабель пыталась убедить себя, что это просто обычное беспокойство, свойственное всем людям, но сама в это не верила. И с каждым часом, с каждой минутой, с каждой секундой ощущение усиливалось.

Она рассказала об этом Айвину, и он с серьезным видом выслушал ее.

Аннабель запуталась. Ее внутренний компас сбился. И, казалось, все вокруг было важнее предчувствия. Суэта, подготовка к исследованию, споры, люди – все это вертелось вокруг в непонятном ей хаотическом движении. Она чувствовала себя лишней. Или, вернее, она чувствовала лишними всех остальных. Они только мешали, сбивали ее настройки,

не давали ей *почувствовать*. Слишком много людей там, где их так давно не было. Да и не должно было быть.

От того места, куда они направлялись, веяло древним холодом. Не смертью, нет. Чем-то иным. Чужим. Древним. Чем-то за гранью понимания.

ПРОРОЧЕСТВО

Последнюю часть пути им пришлось идти пешком. Четыре дня по лесу, частично в гору, частично по ущельям. Еще стояло лето, но некоторые деревья уже начали покрываться желтизной. Четверо ученых, шестеро студентов и четырнадцать помощников, которые несли оборудование и палатки.

Айвин шел один, поодаль.

Он вдыхал запахи леса – цветов, травы, сухой коры, влажной земли, мха... и озера, которое становилось все ближе. Ближе.

В воздухе разливалось древнее волшебство. С каждым шагом он чувствовал, как волшебства становится больше. Больше. Больше. Чувствовал, как оно заполняет его легкие, поры кожи.

Оно пьянило. Айвин чувствовал, что озеро – или то, что было в озере – зовет. Зовет. Ноги сами несли его. Он откуда-то знал, какая прохладная там вода. Как озеро становится глубже. Глубже. И как он сможет погрузиться туда. Совсем скоро. А еще он вспоминал то, чего совсем не хотел вспоми-

нать. Никогда. Но магия приближалась, и его память возвращалась – сначала кусками, бессмысленными и вырванными совершенно будто бы случайным образом. Но они складывались, как мозаика на полу древнего храма.

Когда команда в очередной раз сделала привал, Аннабель подсела к нему. Как обычно. Глядя на нее, он хотел писать стихи, и в его голове постепенно складывались строчки:

*Твой первый, мой последний вечер,
А впереди столетья. сотни тысяч лет.
И если я тебя когда-нибудь не встречу,
Свети, звезда моя. пусть вечным будет свет.*

Свет. Он повернулся к Аннабель. Ее темные волосы на солнце отливали рыжиной, а белая кожа светилась. Она вся была светом.

– Ты не устал?

Айвин мотнул головой и спросил:

– Ты чувствуешь?

– Магию? Да. Очень. Даже идти легче. Ноги сами несут. Как ты думаешь, что там? – прошептала Аннабель.

– Что-то древнее.

– Как в Кавалоне?

Айвин задумался. До этого вопроса он об этом не думал, но теперь...

– Что бы ни было, оно создано еще в то время, когда миры находились дальше друг от друга.

– Или там кого-то заточили, – вклинилась в разговор Саншель Дорн. Тоже как обычно.

Она села рядом с ними на покрывало и отпила воды из своей фляги. Куда же без Саншель?

– Вы ведь слышали легенду о чудовище из озера? – продолжила она, и глаза ее загорелись. – Что если это правда?

– Рано делать выводы, – Айвин пожал плечами. – Даже если там не будет чудовища, нам найдется что изучать. А тебе – о чем написать.

Саншель расплылась в улыбке, но тут же устало вздохнула.

– Уже недолго осталось, – улыбнулась ей Аннабель.

– Да, конечно. Я знаю.

Видимо, она уставала из-за своего низкого роста. Вроде бы среди людей это имело значение. Его старшая сестра была ниже, но могла бегать так, как человеческие бегуны и мечтать не могли.

Айвин и Аннабель сидели плечом к плечу и ели специальную высококалорийную пищу из тюбиков.

Айвину казалось, что им остается все меньше времени вместе. Он не понимал, страх это или предчувствие. Не понимал.

А еще он чувствовал такую свободу, которой не могло быть ни в одном городе. Здесь даже дышалось легче. Здесь он чувствовал то, что говорила ему старшая сестра когда-то давно, на руинах древних замков, на вересковых холмах под

низким серым небом.

– Я выросла в подобном месте, – сказала Аннабель. – Ты говорил про развалины замка – у меня ведь было нечто подобное. Замок моей семьи тоже разрушается. Нужен ремонт, нужны деньги, которых никогда не было. Поэтому меня и пытались выдать замуж. До сих пор пытаются.

– Понимаю. Но поверь, это не худшее, что могут сделать родственники, – сказал Айвин и тут же спохватился: – Не подумай, я не сравниваю.

Саншель, и без магии почувствовав напряжение, тут же сменила тему:

– Как ты думаешь, Айвин, мы найдем там что-нибудь ценное?

– Не знаю насчет ценного. Но что-то точно найдем.

– Там есть что-то такое, чего мы, люди, не можем понять, – добавила Аннабель. – Не хватает оборудования. Но не только. Мы слишком узко мыслим.

– Эйрик боится, что мы можем там что-нибудь повредить, – кивнула Саншель. – Я слышала, он говорил об этом вчера.

– А то, что там может быть оружие, он не боится? – поинтересовалась Аннабель.

– Этот вариант мы тоже рассматривали. Поэтому Эйрик здесь. Как самый лучший инженер-пацифист, которого они смогли найти.

Айвин улыбнулся. Он не мог избавиться от чувства но-

стальгии. Где-то это все уже было. Возможно, в другом мире. Возможно, в другом времени.

Саншель ушла, и они снова остались вдвоем.

– Эйрик кое-что мне рассказал о тебе, – Аннабель положила руку ему на плечо. – Про твою семью. Надеюсь, ты не против.

– Нет, все в порядке.

– Я думала о твоей матери, которая тебя похитила. Это ужасно.

– Я ее почти не помню. Сестра говорила, что мать танцует в лунном свете, пьет амброзию и ворует у людей молоко.

– А отец? – осторожно спросила Аннабель.

Она впервые интересовалась его семьей. До этого они сохраняли дистанцию в разговорах о родственниках. Видимо, пришло время. Если и было когда-то правильное время говорить об этом.

– Я плохо его знаю. Он был... чем-то очень... – Айвин запнулся. Он вдруг понял, что не может подобрать слов. Отец казался темным пятном – абсолютно черным телом¹¹, поглощающим все мысли, все слова, которыми можно описать его. – Не знаю. Он был... Нет. Я не могу говорить о нем.

– Наверное, он владеет магией, – предположила Аннабель.

¹¹ Абсолютно черное тело – физическое тело, которое при любой температуре поглощает всё падающее на него электромагнитное излучение во всех диапазонах.

– Да, вероятно.

– А отношения у тебя были? – спросила она. – Вернее, я понимаю, что, конечно, были. Но? может, был – или есть – кто-то особенный?

– Да, конечно. Были особенные люди. И самая особенная женщина.

Аннабель замолчала, глядя вдаль, а потом все же произнесла:

– Ты ее все еще любишь? Или не ее, а кого-то другого? Или – не знаю? – их всех.

– Все сложнее. Я не люблю никого из этих людей. Но я люблю память о них.

Айвин почувствовал, что Аннабель стало грустно – однажды он будет любить лишь память о ней самой.

Может, и не стоило им вообще начинать эти отношения?

– Все в порядке, – Аннабель улыбнулась. – Я понимаю, что мы с тобой очень разные. И время воспринимаем тоже по-разному. Я просто надеюсь, что эти месяцы мы провели хорошо. Ну и... Ты все еще остаешься здесь минимум на пару лет. Ну, мне Эйрик рассказал. Так что кто знает, как все обернется через год?

Через год, подумал он. В груди будто что-то заледенело. Что будет через год? Он видел только пустоту.

– Это были прекрасные месяцы, – Айвин взял руку Аннабель в свои и провел пальцами по тыльной стороне ее ладони. Тонкая изящная ладонь пестрела небольшими тонкими

шрами.

Айвин видел появление каждого. Попытка залезть на дерево, на скалу, падение, падение, падение. И снова попытки, попытки, попытки. Аннабель была упорной.

– Ты сломала себе ключицу, – пробормотал он.

– Было дело. Ты можешь это видеть?

Айвин кивнул. Шрамы могли рассказать о человеке многое. Случайные, намеренные – любые.

– Послушай, – шепнула Аннабель. – Я думала о твоей семье и о том, как тебя прокляли. Это ужасно, но в крайнем случае мы что-нибудь обязательно придумаем. В крайнем случае, есть другие миры, в которые ты можешь уйти. Я читала, что чем дальше ты от источника проклятья, тем оно слабее. Разве не так?

– Путешествия тоже требуют определенного навыка. И ресурсов.

– Все лучше, чем проклятье.

Айвин улыбнулся. Все лучше, чем проклятье.

Через несколько минут они продолжили путь.

ПАРАДОКС

На следующий день, не успело еще стемнеть, как они вышли к озеру. Аннабель увидела бирюзовую воду сразу, еще сквозь ярко-зеленую листву деревьев.

Она схватила Эйрика за руку, и они вдвоем просто смот-

рели, пока остальные спускались с холма.

– Что такое?

– Ты чувствуешь? – спросила она шепотом.

– Магию? Нет, не чувствую. Я же не маг. А что чувствуешь ты?

– Мне грустно.

– Может быть, дело не в озере, – мягко сказал Эйрик.

Аннабель вдруг почувствовала, как защипало в носу.

Она вспоминала то, что не хотела вспоминать, в груди рождался и креп ужас. Нет, не сейчас. Только не сейчас.

Не здесь. Не сейчас. Еще не сейчас.

Еще рано.

Это было больно. Намного больнее, чем раньше.

Рука Эйрика сжимала ее руку, но сейчас это не помогало.

Никуда не убежать. Никуда, никогда.

– Пойдем, – сказал он и двинулся вперед, но Аннабель сильнее вцепилась в его ладонь.

– Нет! Мы не должны.

Она повернулась к Эйрику, схватила его предплечье и потянула назад.

– Сворачивай все. Это не остановить, я знаю, но это даст нам время!

– Время на что? Белль, о чем ты? – Эйрик нахмурился, внимательно глядя на нее: – Мы добрались, а тебя немного шокирует магия, вот и все.

– Нет! – выкрикнула она, и все обернулись. Плевать. – Не

шокирует. Я просто поняла, что мы не должны быть здесь и...

Она отвлеклась от Эйрика, увидев, как Саншель идет к бирюзовой воде безымянного озера. Идет. Идет. И никто не собирается ее остановить. Никто. Никто.

Время стало тягучим.

На Аннабель были треккерские ботинки, на спине рюкзак. Сейчас ей нужны легкие марафонки. Где они сейчас? Небось выкинула уже пару лет назад. Зря. Очень зря.

Она больше ничего не слышала. Молча скинула со спины рюкзак, следом за ним куртку. И побежала.

Побежала по песку так быстро, как только могла. Как в детстве, когда за ней гналось чудовище. Или ей казалось, что оно гонится.

– Саншель! – закричала она.

Та обернулась с легкой улыбкой, помахала рукой, но продолжила путь к воде.

– Шелл! – заорала Аннабель, срывая горло.

Нельзя, нельзя, чтобы она подходила к воде. Иначе все начнется снова. И снова, и снова, и как оно уже было. Всегда-всегда-всегда.

Аннабель была уже почти у берега, когда Саншель остановилась у кромки воды. Почти.

– Такая прозрачная, – услышала Аннабель замороженный голос.

Саншель наклонилась, чтобы потрогать воду.

Аннабель не успевала. Не успевала.
Не успела.

Глава 3,5

Рия смотрела на спящего Эвана и ничего не чувствовала. Раньше ей казалось, что она его ненавидит. Но нет. Она просто смотрела на того, кого отец называл ее старшим братом, и совершенно ничего не ощущала.

Прошло то время, когда она его ненавидела. Прошло то время, когда она мечтала о его внимании. Все прошло.

Каждый раз одно и то же. Одно и то же.

Возможен ли накопительный эффект?

Она села в кресло рядом с его кроватью и глянула в открытое окно. Светило искусственное солнце, ветер приносил запахи вечно цветущих в этом мире покрытосеменных, пение птиц, которых они с отцом выводили тысячелетиями, шум океана.

– Аннабель придет, как приходила всегда, – сказала она. – Мне даже интересно, какой она будет на этот раз. Недавно я видела одну из них. Выглядит молоденькой, но на самом деле прожила в служанках у ведьмы уже несколько сотен лет и сама не заметила.

Рия усмехнулась. До чего странной и изворотливой бывает психика разумных существ. Они становятся заложниками обстоятельств, чувств, отношений и забывают об этом, быст-

ро забывают. Это случилось с отцом, с Эваном, с ней самой.

– Я знаю, что ты придумал меня раньше отца. Я читала. Ты хотел хорошую сестру. Что ж, я тебя понимаю. Но я не хорошая сестра и не хорошая дочь. Я просто инструмент. Хотя чего уж? Ты тоже инструмент. Не знаю, кому из нас хуже. Наверное, мне. Или все же тебе? Нет, я не знаю. Обычно я вспоминаю раньше тебя. – Она встала, глядя в окно, обняв себя руками. – Я устала от этого. Отец начал превращаться в того, в кого должен был превратиться годы назад. Иногда я слышу, как он поет песни холмов. Безумие подкрадывается к нему. То самое безумие, которое поглотило твою мать. Отец меняется. Разрушается. Почему, если ты такой всемогущий, ты не можешь защитить нас от безумия? Эван, я так устала.

Рия присела на край его кровати.

– Как ты думаешь, мы можем изменить правила? Хоть раз. Мне бы этого хотелось. А тебе? Давай все изменим? – прошептала она. – Давай в этот раз все будет по-другому? Проснись, Эван! Проснись!

Но он спал своим зачарованным сном.

Как всегда.

Рия – кажется, впервые во всех ее долгих жизнях – почувствовала, как глаза ей жгут слезы. Она ведь не умела плакать, не должна была уметь. И все же...

Она плакала о разрушающихся мирах, об этой странной Вселенной, о себе и об отце, но больше всего – о Великом аттракторе. Вся горечь, вся боль выливалась из нее со слезами.

– Не плачь, – услышала она и вскинула голову.

Эван проснулся. Впервые за многие-многие жизни.

Глава 4

ПРОКЛЯТЬЕ

Ведьма сидела на троне, вырезанном из цельного куска горного хрусталя. Она выглядела именно так, как в видении.

Молодая женщина с волнистыми темными волосами, белой кожей и глазами, которые видели все на свете. Она была в длинном синем платье, полы которого струились по ступеням постамента вниз, вниз, вниз и дальше по полу, прямо к ногам Шелл. Как вода, как море, как океан.

– Я ждала тебя, – сказала ведьма звучным глубоким голосом. – У меня давно не было новых посетителей. Что же привело тебя ко мне?

Ее замок находился в горах, так высоко, что сложно было дышать. Шелл пришлось несколько раз останавливаться, несколько раз спускаться ниже, чтобы привыкнуть. Рия поднималась быстро, ее дыхание не сбивалось, и вскоре Шелл сказала, чтобы та не ждала. Долго убеждать ее не потребовалось. Рия бодро пошла дальше, размашистым механическим шагом, словно была и не человеком вовсе, а какой-то неутомимой машиной. Вскоре она скрылась из виду, и Шелл оста-

лась одна на горной тропе. Сколько же времени она шла? Но все же она оказалась здесь, в Белом замке. Рии не было видно. Наверное, она уже закончила свои дела с ведьмой. Интересно, чего она пожелала?

За окном справа виднелись горные хребты, далекие, бесконечные, снежные.

– Чем дальше я иду, тем больше забываю, – ответила Шелл. – Я знаю, что у меня были друзья. Я написала это в тетради, которую взяла с собой. Я знаю, что путешествовала с троллихой, чьих детей подменили. Но я ничего этого не помню.

Ведьма подалась к ней и, казалось, стала ближе. Намного ближе. Будто бы постамент, на котором стоял ее трон, опустился на несколько ступеней.

– Так чего ты хочешь?

– Вспомнить.

– И что же ты готова отдать мне?

– У меня ничего нет, – честно ответила Шелл.

Ведьма прищурилась.

– У тебя все еще есть кое-что.

Где-то внутри затеплилась надежда.

– Что же? – спросила она, затаив дыхание.

– Твое имя.

Сердце забило сильнее.

– Но если я отдам свое имя, что останется у меня?

– Память.

– Но ведь... Если у меня будет память, значит, я вспомню свое имя.

– Верно. Но оно уже не будет твоим.

Шелл попятилась, но ведьма становилась все ближе.

– Тебе нечего терять. Разве твое имя так важно тебе?

Имя. Просто имя.

Что такое имя? Что оно значит? Почему оно так важно?

Оно значило. Без имени она бы перестала быть собой. Она вспомнила бы свою жизнь, но эта жизнь была бы чужой. На это она не была готова.

Шелл отступила на шаг.

– Если ты сейчас уйдешь, то никогда больше меня не увидишь. Ведьму времени и пространства можно увидеть лишь раз.

Чего еще ожидать?

Всегда есть подвох. Всегда.

– Подумай хорошенько, – ведьма оказалась лицом к лицу с ней. Так близко, будто бы они были лучшими подругами. А вдруг и были, и Шелл просто все забыла?

От ведьмы пахло лесом – цветами, травой, сухой корой, влажной землей, мхом и... водой. Ручьями, реками, лесными озерами. А еще старыми-престарыми книгами.

– Тогда не хочу вспоминать, – произнесла Шелл тихо.

Ведьма улыбнулась.

– Чего же ты хочешь?

– Забыть. Я хочу все забыть. Тогда, возможно, я перестану

цепляться за свою прошлую жизнь и начну заново.

Ведьма протянула руку и коснулась длинными пальцами щеки Шелл. Это должно было быть страшно, но не было. У ведьмы были холодные-холодные руки.

– И что ты готова сделать для этого?

Шелл пожала плечами.

– Все.

Ведьма стояла рядом. Рука Шелл касалась ее щеки. Ведьма улыбалась. Отдалялась.

– Спасибо, – сказала она. – Я знаю о тебе. Я знаю все. Я могу рассказать, если ты...

Шелл помотала головой.

– Однажды ты вернешься к тем, кого любила. Это мой маленький подарок тебе. Ты забудешь об этом, но чувство останется глубоко внутри.

Ведьма коснулась ее лица кончиками пальцев. Шелл удивленно посмотрела на нее.

И... все перевернулось.

Гостья отшатнулась, удивленно-счастливо улыбаясь. Опустила лицо, и длинная челка скрыла темные глаза.

– Спасибо тебе, ведьма времени и пространства. Ты исполнила мое желание.

– И что ты отдала за него? – спросила ведьма рассеянно.

За окном слева виднелись горные хребты, бесконечные, снежные.

– Бессмертие.

– Кто проклял тебя? – спросила ведьма.

– Никто, – она рассмеялась, и смех ее был похож на острый лед.

– Как это?

– О, я лишь прошла *порог*, не будучи подготовленной. Путешествия между мирами для простого человека – это, знаешь ли, опасно. Но теперь все изменилось. Теперь я знаю, что делать.

– Значит, ты возвращаешься домой? – спросила ведьма.

Было грустно. Почему-то.

Почему?

Гостья поправила кожаную сумку на поясе.

– Да. И нет.

– Как это?

– Моего дома больше нет.

* * *

Она ушла, а ведьма осталась в замке одна.

Вскоре Белль привела к ней троллиху, чьих детей подменили, а вместо них подложили подделки. Казалось, ведьма уже слышала эту историю. Когда-то давно. Но от кого?

Взамен она попросила ее рассказать о верованиях троллей. Она ждала гигантских пантеонов, многосложные архетипы, целый ворох нового символизма, но услышала лишь о великой богине, у которой одиннадцать с половиной тысяч

ушей и которая существует только по четвергам. Эту историю ведьма тоже уже где-то слышала. Наверное, от других гостей. Или из книг. В замке было много книг.

Ведьма всегда много читала. Жизнь на вершине горной гряды располагает к долгим вечерам с книгой, когда звезды становятся чуть ближе, а земля скрыта толстыми одеялами туманов.

Троллиха Зела вернулась к своим детям.

Белль часто приводила новых и новых гостей, каждый из которых хотел чего-то для себя.

Ведьма по-своему любила Белль и позволяла ей появляться в замке, хотя обычно люди приходили сюда лишь единожды. Но она пришла, как и много раз до этого.

Однажды, когда Белль была совсем маленькой, она заблудилась и попала в этот замок. Ведьма позволила ей остаться. Почему? Она уже не помнила, будто это сделал кто-то другой.

Белль нравился замок. Нравилась библиотека. Нравилось бродить по темным холодным коридорам и смотреть на заснеженные горы зимой и зеленые луга летом. Именно она привела девушку по имени Шелл. Саншель Дорн.

– Ты помогла ей? – первым делом спросила Белль, когда пришла в очередной раз.

Ответить на этот вопрос было сложно. Она помогла. Но, кажется, немного не так, как планировалось.

Странно, но она мало что помнила. Та девушка пришла,

потому что забывала себя. И ведьма помогла ей. Сделала что-то. Что именно?

– Я... помогла ей, – ответила ведьма.

Белль некоторое время ходила по залу, разглядывала фрески на стенах, на потолке.

– Рисунки меняются... – прошептала она. – Почему они меняются?

Ведьма сидела на троне, который стоял на постаменте, и не могла разглядеть фрески в подробностях.

– Я хочу отпустить тебя, – сказала ведьма.

– Отпустить?

– Да. Ты сможешь поступить в университет, как и хотела.

Ты будешь свободна.

– Свободна? Я никогда не была твоей пленницей.

– Ты не права. Ты всегда была пленницей этого замка. С тех пор, как попала сюда и открыла первую книгу. Ты помнишь, что это за книга?

Белль побледнела. Ее губы дрогнули.

– Я не... Я помню символы, которые постоянно менялись. Я не могла уследить за ними. И тогда ты сказала, что я обязана приходить. Я обязана приводить людей, которые потерялись. Почему я забыла?

Ведьма пожала плечами.

И тут Белль вскрикнула, зажав рот рукой. Отступила.

– Ты не она! Она сделала это с тобой. Я не думала, что она это сделает. Я отправляла к ней людей, чтобы ведьма помо-

гала им. Но не так же. Не так!

Ее голос отразился от расписанных стен.

Ведьма присмотрелась к ближайшей фреске.

На ней был изображен город. Город, который убегает от моря по бесконечной железной дороге.

– Ты была там? – резко спросила Белль, обернувшись.

Ведьма лишь развела руками.

– Возможно, я про него слышала. Или читала.

– Читала?! Про лес ты тоже читала? Про озеро? – она указала на потолок, где была самая большая фреска. Рисунок менялся на глазах.

Узкую дорожку из неровной каменной плитки, деревянное строение с вычурной крышей, невысокие кривые деревца, обмотанные шелковыми лентами, обволакивали тяжелые дубовые и еловые ветви, заполняла вода.

Белль вскрикнула и выбежала из зала. Ведьма знала, что та больше не появится в этих стенах. Что ж. Это казалось честным. Сколько десятков, сколько сотен лет она приводила сюда людей? Сколько людей она привела? Ведьма не помнила, словно это случилось с кем-то другим.

На фреске ведьма увидела Саншель Дорн у невозможно бирюзовой воды. Та стояла у берега лесного озера, которое не имело названия, а рядом виднелась смутная фигура. Ведьма узнала это озеро. Но откуда она знала о нем?

Наверное, читала где-то.

ПАРАДОКС

Кажется, было больно. Темно и больно. Холодно, темно, больно и страшно. Невозможно дышать, будто бы в легкие проник лед.

– Все в порядке. Ты в безопасности.

Мягкий голос. Знакомый голос.

Аннабель открыла глаза.

Знакомый потолок с дубовыми балками. Ее комната в резиденции Кенельмов.

Слева от кровати сидел Эйрик. Выглядел он изможденным. Глаза запали, щеки ввалились, цвет лица казался серым. Или это просто отсвет от плотных серых штор. На его коленях лежала сшитая стопка листов. Рукопись Айвина.

– Эйрик? – позвала Аннабель. – Что случилось?

Он закрыл книгу и бездумно уставился на нее. Казалось, он не брился уже дня два. Такого с ним не случалось со времен второй сессии на третьем курсе.

– А что ты помнишь?

– Озеро. – Аннабель приподнялась на локтях и тут же почувствовала, как сильно хочется спать. И что-то еще. Очень-очень странное. – Где Саншель? Где Айвин?

Казалось, Эйрик еще больше побледнел.

Ей вдруг стало очень зябко.

– Где они? – спросила Аннабель так спокойно, что сама

поразилась.

– Шелл пропала.

– Как пропала?

Эйрик выдохнул.

– Никто не знает. Ее не нашли. Она подошла к озеру. И... что-то началось.

Аннабель села на подушках. Это оказалось тяжелее, чем она думала – голова закружилась, а в руках появилась слабость.

– Что началось?

Эйрик развел руками:

– Я не помню. Никто ничего не помнит. Но когда мы очнулись, озера уже не было. Как и Саншель. Ты и Айвин просто отключились. А потом появилась девушка, которая сказала, что она сестра Айвина.

– И что ты сделал?

– А что я мог сделать? – горько спросил Эйрик. – Она дала снадобье и обещала, что скоро ты проснешься. Но сказала, что сон Айвина – совсем другой. Что он вобрал в себя почти всю магию озера и что только в одном мире он сможет исцелиться.

Она не верила, что все так просто. Не верила.

– Но ведь он пытался убежать от своей семьи! – Аннабель замотала головой. – Он не хотел возвращаться. Ты не должен был позволять ей...

– Я растерялся, – перебил ее Эйрик. – Я был сбит с толку.

Она медленно вдохнула. Выдохнула.

– Кто-то еще пострадал? – спросила Аннабель.

Эйрик покачал головой.

– Ты уверен?

– Да. Все целы.

– А что она сказала про Шелл?

– Что мы найдем ее, если отпустим Айвина.

– Мне нужно идти. – Аннабель решительно откинула оде-
яло и опустила ноги на пол.

К головокружению добавилась тошнота, но она знала, что
нужно идти.

– Куда же?

– За Саншель.

Их взгляды встретились, и Эйрик тяжело вздохнул. Что он
мог сказать? Когда ей было семнадцать или даже двадцать,
он еще мог как-то на нее повлиять. Но не сейчас. Не сейчас.

– Ты думаешь, что сможешь ее найти?

– Ее и Айвина. Обоих.

Эйрик долго молчал, а затем медленно произнес:

– Мы пойдем вместе.

– Нет.

– Что? – Эйрик выглядел по-настоящему изумленным. –

Я не ослышался?

Аннабель покачала головой. Не ослышался.

– То есть ты хочешь пойти искать их одна?

Ответом ему был уверенный кивок. Она чувствовала, что

это правильно.

– Но почему? Мы всегда были вместе. И я не могу оставить тебя, чтобы ты... Я обещал заботиться о тебе.

– Кому? Моим родителям?

– Себе. К тому же, я не могу представить, что будет, если я... ошибся, отдав ей Айвина.

Аннабель потрепала его по волосам.

– Ты и правда был сбит с толку. Ты не виноват. Но я пойду одна. Ты будешь задерживать меня.

Головокружение отступало, и она встала на ноги. Впервые за долгие годы Аннабель почувствовала себя... сильной?

– Послушай, Эйрик. Я хочу сказать спасибо. Правда. Ты всегда был рядом и всегда помогал мне.

– Конечно. Я же твой брат.

– На один с половиной процент.

– Плевать на проценты.

Аннабель улыбнулась.

Даже минута на ногах принесла дикое ощущение усталости. Она снова села и положила голову Эйрику на плечо.

– Это его книга. – Он взял со стола рукопись и положил Аннабель на колени.

Она сглотнула и осторожно коснулась белой поверхности кончиками пальцев. Кольнуло электричеством. Слабо, очень слабо. Бумага все еще хранила отпечаток его личности. На этой бумаге писал он. Айвин.

Это был роман на языке другого мира, пропитанный древ-

ней магией, дышащий морем, лесом, мхом и холодом причудливых мегалитов.

На самодельной картонной обложке был изображен дом. Обычный деревянный дом с распахнутыми окнами, откуда лился золотой свет. Если приглядеться, то можно было разглядеть внутри фигуру. Аннабель узнала стиль Эйрика. Он рисовал редко, но его рисунки всегда отличались техничностью и самобытностью. Будто бы жесткий каркас обволакивала мягкость и магия. В конце концов, не зря же он стал инженером.

На корешке снизу он нарисовал герб Кенельмов – ракушку, в которой без труда можно было разглядеть золотое сечение. Теперь она стала логотипом арт-резиденции Эйрика.

Книга называлась «Источник света» или просто «Свет». Но об этом Аннабель узнала позже, когда Айвин, которого на самом деле звали другим именем, начал учить ее своему языку.

– Я ничего не понимаю, – произнес Эйрик. – Буквы меняются. Когда я пытаюсь переписывать, получается совсем другое. Вернее, сначала мне кажется, что я пишу верно, а потом буквы меняются.

– Они не меняются. Меняется все вокруг, – прошептала Аннабель. – Так говорил Айвин. Вселенная постоянно меняется, и только их язык остается константой. Как... как скорость света.

– Скорость света не константа. Ты должна это понимать.

– В идеале это константа. В идеальном вакууме.

– Только идеального вакуума не существует.

Аннабель кивнула. Идеального вакуума не существует. А уж сколько сред, в которых даже электроны могут двигаться быстрее фотонов. И все же фотон – единственная частица без массы покоя. По крайней мере, единственная открытая на данный момент.

Некоторое время они листали рукопись. Аннабель сходила в душ и оделась. Затем они заказали еды и пообедали.

После она почувствовала себя лучше. Силы возвращались к ней.

В доме Эйрика, на территории *порога*, она крепла быстрее, чем в каком-либо другом месте. Наверное, поэтому он и привез ее сюда, а не в больницу.

Как только Саншель оказалась у кромки воды, что-то случилось. Но что?

Берег. Кромка воды. *Порог*.

Она что-то чувствовала. Начинала понимать. Сестра Айвина сказала, что он вобрал в себя почти всю магию озера. Видимо, что-то досталось и Аннабель. А основной удар приняла на себя Саншель. Бедная-бедная Шелл.

Она пропала и теперь она где-то далеко. В другом мире. Где-то в таком месте, где Аннабель практически не могла почувствовать ее. Что это значило?

Она не могла поверить, что Саншель больше нет. Нет. Было что-то третье. Аннабель не могла понять, что именно.

Если бы они могли повернуть время вспять и не ехать к тому озеру. Тогда Саншель и Айвин все еще были бы здесь. Рядом с ней, рядом с Эйриком.

Но Аннабель знала, что так это не работает. Одного желания недостаточно, чтобы переместиться в прошлое. Знала она и другое. Ее возможности помогут найти их обоих.

Эйрик пока оставался рядом, хотя она понимала, что дальше их пути расходятся. Аннабель понимала, что сейчас каждый из них должен быть один, и другие будут лишь мешать. Она должна идти одна, а Эйрик должен остаться здесь. Иначе у них совсем не останется времени.

Проблема заключалась в том, что Аннабель никогда не была одна. Семья, партнеры или друзья – всегда кто-то был рядом.

И даже сейчас.

Они с Эйриком искали подсказку в рукописи Айвина.

Она прочитала три главы, когда они отправились к озеру и сейчас читала четвертую. Аннабель взяла с собой одну из копий рукописи. Оригинал она решила оставить Эйрику.

Когда она уходила, Эйрик спал в своем кабинете. Полулежал на диване с папкой документов в руках. Она хотела разбудить его, чтобы попрощаться, но в последний момент передумала.

Но Эйрик не был бы Эйриком, если бы так просто отпустил ее.

– Ты знаешь, куда идти? – спросил он, открыв глаза.

– Нет. Может, попробую найти семью Айвина.

– И ты думаешь, что сможешь справиться с ними одна?

– Не знаю. Может быть, я смогу их уговорить отпустить его.

Эйрик покачал головой.

– Я найду их, – сказала Аннабель. – Я смогу найти их обоих, и мы вернемся домой. Все будет хорошо.

Аннабель осторожно поцеловала Эйрика в лоб и шагнула за *порог*. В другой мир.

ПРОКЛЯТЬЕ

Немало времени понадобилось, чтобы все понять.

Она не ведьма, вернее, не всегда была ведьмой. Но и та, что сидела на этом троне до нее, когда-то раньше тоже не всегда была ведьмой.

Как и другие до нее, она стала пленницей. Ведьмы сменялись, одна за другой. Вечный круговорот. Всех их объединяло что-то. Что именно?

Однажды и ее одолеет тоска по миру. Тогда она заставит кого-то другого занять ее место.

Кого?

Страшно представить, что она будет способна на это. Но она представляла, *как* десятилетия, столетия, тысячелетия могут изменить человека. Даже годы, месяцы или дни могут все изменить. Но теперь у нее было много времени – гораздо

больше, чем у обычного человека. Все время мира. И чуть-чуть больше.

Она почти не могла двигаться – платье не позволяло. Каждый день оно меняло цвет и ткань. Чаще всего оно было из фиолетового шелка. Тяжелого, очень тяжелого. Оно скрывало ступени постамента, на котором стоял трон, и мозаику на полу.

Перед ней появлялись книги. Теперь она могла читать на множестве языков, живых и мертвых.

К ней приходили люди и не только люди. Они отдавали свою магию, свою молодость, свое призвание. Что угодно. Но ни у кого ведьма не просила свободу.

В прошлой жизни она была совсем другой. Она слишком сильно ценила свободу. Сильнее всего прочего, наверное. Хотя нет. Была одна вещь важнее свободы. Но она не могла вспомнить, что именно.

Она не знала, кем была раньше. *Та* ведьма заставила забыть, как она и просила. Но она все же видела фрески на стенах и самую большую на потолке. Отрывки ее прежней жизни. Зачем? Зачем они были здесь? Она не понимала, зачем показывать ту жизнь, которую у нее забрали? А ведь когда-то так же забрали жизнь *той* ведьмы. Бесконечный круг, из которого невозможно вырваться.

Кто же нарисовал эти фрески?

ПРОБУЖДЕНИЕ

Эйрик забросил все свои дела, передал свою часть чертежей по передвижению Аньесхеде другим людям, пытаясь разобраться в том, как работает этот странный меняющийся язык. Иногда казалось, что вот-вот, уже почти, но что-то постоянно ускользало.

Он сидел у себя в кабинете, окруженный книгами, испи-санными и скомканными листами, уставший и одинокий. Рядом не было ни Аннабель, ни Саншель. Никого.

Эйрик остался один. Как раньше.

Как когда-то давно, когда он был еще ребенком.

Именно тогда оно проникло в его дом. Оно пришло тихо, в полночный час, когда он глотал кофе и пытался, пытался, пытался понять язык Айвина.

Эйрик не спрашивал, как оно попало в дом. В конце концов, его дом был *порогом*. Его дом стоял над спиральной мегалитической конструкцией, вокруг которой и построили город. Потребовалось очень много работы, чтобы поставить эту древнюю землю на рельсы.

Оно возникло из ниоткуда в его кабинете и спросило детским голосом, выглянув из-за его плеча:

– Скучал по мне?

ПРОРОЧЕСТВО

Он открыл глаза.

Большая незнакомая комната. Просмоленные деревянные стены. Из окна лился солнечный свет. Пахло ромашками и еще какими-то цветами, названия которых Айвин давно забыл.

Светловолосая девушка сидела на полу и плакала навзрыд. Он знал ее. Рия, младшая сестра по отцу. Они не виделись много-много лет, но он не хотел, чтобы ей было грустно.

– Не плачь, – прошептал он.

Она подняла голову, и на ее лице появилась мягкая улыбка.

Она совсем не постарела. Почему? Айвин помнил, что у нее не было магии. Тогда почему? Как?

– Что случилось? – спросил он.

– А что могло случиться? Тот мир прогнал тебя. Ты ему не понравился.

Прогнал? Айвин не сразу понял, о чем говорила сестра.

– Где мы сейчас?

– В том месте, о котором всегда говорил отец. Помнишь? Теперь и ты тут. С возвращением.

Айвин осторожно убрал руку и сел в постели.

– Я ничего не помню.

– Это не страшно. Тебе не нужно помнить. Мы дома, где твои сородичи по матери, – Рия брезгливо поморщилась, – нас не побеспокоят.

Дома.

Он вглядывался в ее лицо и не мог понять.

– И что теперь?

– Теперь у нас будет много-много времени, Эви.

* * *

Этот мир отличался от остальных. Здесь Река-между-мирами впадала в океан сингулярностей, в бесконечные звездные колыбели, даже в те червоточины, которые не были связаны с архипелагом, и еще в миллионы морей и океанов, пока недостаточно изученные для путешествий. Звездные приливы и отливы каждый день меняли это небо, а галактики кружились друг вокруг друга бесконечно, быстро-быстро, и такого просто не могло существовать в других мирах. Это было *красиво*.

Он лежал ночью на траве, слушал, как поют цикады, как шуршит трава, как бежит по камням ледяная вода ручьев.

Айвин чувствовал, что голова затуманена, но ему здесь нравилось.

Этот мир находился слишком далеко от всех остальных. В этом мире – как сказала Рия – у них будет много-много времени. И чем дальше, тем сложнее Айвину было почув-

ствовать зов. Он потерял что-то. *Кого-то*. Совсем недавно. Кажется, он снова потерял ее. Надо было рассказать ей всю правду. Сразу, без лишних отговорок. Без боязни того, как она может к этому отнестись. Без страха потерять ее.

Он опоздал. Как всегда и происходило. А теперь ему все сложнее было использовать магию. Айвин знал, как это бывает. В этом отдаленном мире время текло, как самый густой мед. Здесь магия его матери и ее народа не работала. Это значило, что он не сможет выбраться и до него тоже невозможно будет добраться. Чем дольше он находился здесь, тем больше его кровь по материнской линии хотела спать. Возможно, скоро он совсем превратится в того, кем был отец. Хорошо это или плохо?

Из этого мира невозможно было сбежать. По крайней мере, он не знал способа. Он больше не видел *порогов*, не ощущал ткани пространства, не чувствовал слабых мест, где одна реальность наслаивалась на другую.

Он пытался писать. Но у него не получалось. Приходилось продирается через каждое слово, через каждое предложение. А ведь раньше все было так легко. Тексты лились рекой изпод его руки. Когда-то давно. Но здесь его дар не работал. Что бы он ни писал, это не сбудется.

Однако в библиотеке отца была карта архипелага миров. Не спрятанная где-то в закромах, нет. Карта была нарисована прямо на стене. Будто бы отец хотел его подразнить. Примерно одиннадцать с половиной тысяч миров.

Конечно, она была неполной. Сколько еще миров не открыто, сколько позабыто, сколько разрушено и заброшено.

Всё началось вчера. Или сто лет назад. Часы в разных мирах показывали разное время и шли с разной скоростью. Время шло вперед, время стояло на месте, иногда даже – очень редко и только по особым случаям – шло назад.

Порой ему казалось, что времени мало. Порой – что времени не осталось. И все чаще – что времени вдоволь.

Карта не показывала всей правды. Но у архипелага было то, что можно назвать центром. Все миры, даже самые отдаленные, бесконечно стремились к одной области пространства.

Имя ее – Великий аттрактор.

ПАРАДОКС

В этом мире было сложно дышать – разреженный воздух раздирал, обжигал легкие холодом. Но она смотрела только на небо. Смотрела широко раскрытыми глазами, пускай даже это было больно.

На этом небе каждая звезда выглядела гораздо больше солнца. Светила сверкали – белые, желтые, зеленые, красные, голубые и даже фиолетовые. Бесконечные звезды. Аннабель осталась бы здесь навсегда и просто смотрела бы на то, как рождаются новые светила. Но сейчас у нее были другие, более важные дела.

– Я еще вернусь сюда, – прошептала она. – Но сейчас я должна идти дальше.

Она зажмурилась и сделала шаг.

– Где вы? Как мне найти хоть кого-то из вас?

Стало еще холоднее.

В этом мире стояла ночь, но звезды были совершенно обычными – маленькие мерцающие точки, прорезающие небосвод, острые, колючие, далекие. Аннабель стояла у дверей гигантского замка, белизна которого поражала даже ночью.

«Что я здесь делаю?»

Скрипучая массивная дверь открылась перед ней. Будто бы Аннабель прочитала заклинание.

Ее приглашали внутрь. Ничего плохого в этом она не увидела. В крайнем случае всегда можно перейти в другой мир. Ну, она надеялась, что в замке это тоже будет возможно.

Она пообещала себе, что однажды вернется в тот мир, где каждая звезда на небосводе размером с солнце. Ведь это был тот самый мир, где рождаются новые светила в своих звездных колыбелях.

Глава 4,5

– А вы не знаете, где здесь книги по лингвистике? – услышал Айвин. – Я немного... потерялась.

Он поднял голову и увидел темноволосую бледную девушку, которая комкала в руках бесполезную карту. Вид у нее и правда был растерянный. Официальный серый костюм придавал ей одновременно строгий и забавный вид. Кажется, она была человеком.

– Простите, а как вы сюда попали? – спросил он.

– Что? – удивилась девушка.

– В этот мир. Я имею в виду... – Айвин рассмеялся, прикрывая рот рукой. – Простите, это, наверное, нетактично.

– Все в порядке. Так вы можете мне что-то подсказать?

Девушка выжидающе смотрела на него своими большими голубыми глазами. Глаза как небо. Кожа цвета лепестка белой розы. Волосы, как застывшая магма. Все, как он и описывал.

И да, она была вполне привлекательна. Для человека. Она оказалась такой, как он и представлял.

Она первой отвела взгляд.

– Что именно вас интересует? – спросил Айвин, поднявшись из-за стола.

– Нейролингвистика.

– Давайте посмотрим, что можно сделать.

Он улыбнулся, и она улыбнулась в ответ. Вместе они направились на поиски нужного зала.

– Кстати, я попала сюда благодаря троллям, – сказала девушка.

– И как вам тролли?

– Много спрашивали о моих богах.

– А у вас есть боги?

– У моего народа есть. Лично у меня, наверное, нет.

– А в чем разница?

– В том, что мне не нужна концепция богов, чтобы объяснить мир.

– Правда? – Айвин придвинулся поближе, и она тоже подалась вперед. – Но в этой Вселенной когда-то жили существа, которых некоторые народы могут называть богами. Именно они позволили мирам просачиваться друг в друга. Именно поэтому вы сейчас можете быть здесь, в мире, в котором вы не родились и который на самом деле находится в тысячах световых лет отсюда.

– Почему бы и нет? Но они-то откуда взялись?

– Эволюция.

– Именно. А вы со всеми так знакомство начинаете? – заинтересовалась она.

– Нет. Только с теми, от кого пахнет морем и смертью.

Она даже не моргнула. Лишь прошептала:

– Смертью... Я скоро умру?

– Однажды.

– Однажды мы все умрем.

– Не знаю. Я еще никогда не умирал.

Девушка рассмеялась.

– Меня зовут Аннабель. Аннабель Энде.

Я знаю, хотел сказать Айвин, но промолчал. Он вдруг понял, что натворил. Он не просто описал кого-то. Он создал ее. Как демиург. Конечно, во Вселенной может произойти что угодно, и однажды человек с таким генетическим набором непременно бы родился и без чьего-то вмешательства. Но именно Айвин заставил этого человека прийти сюда. Сейчас. В этот момент.

– А вас как зовут?

– Айвин.

– Красивое имя.

А что еще она могла сказать?

Ему стало не по себе. Если он может сделать это, то что еще? Зажечь искру в чьем-то сердце, чтобы началась революция в каком-нибудь мире? Сбросить на город лавину? Пригнать цунами? Сжигать миры в огне?

Его передернуло от самой мысли. Сестра была права. Он опасен. Не только для себя, но и для окружающих.

Они с Аннабель шли, и шли, и шли по залам. Она с восторгом разглядывала книги.

– Здесь так приятно пахнет, – сказала она.

Айвин втянул носом воздух. Пахло старыми книгами, которым давно пора в утиль. Но Аннабель любила книги.

– Я, наверное, вас отвлекла. Что вы читали?

– Ничего особенного. Просто зашел побродить.

– Вы можете просто так сюда заходить? – Аннабель удивилась. – Кто вы?

Отвечать не хотелось.

– Ну, я примерно понимаю. Ваши волосы, глаза и... – она чуть-чуть смутилась. – Зубы.

Конечно, она заметила зубы. Многим существам из многих миров его зубы казались отталкивающими. Мелкие, острые, они производили неизгладимое впечатление. Особенно учитывая то, что его народ похищал детей.

Неожиданно они вышли в огромный атриум. Гигантский многоэтажный атриум. У стен стояли высокие стеллажи, забитые книгами, а посреди зала стояли винтовые лестницы.

– Я слышала об этом месте. – Она задумчиво огляделась. – Ты не всегда находишь то, что ищешь. Но всегда найдешь то, что тебе нужно. Нужно просто выбрать нужную лестницу.

– Да. Именно. Поэтому выбирайте. А мне пора.

Он не должен больше с ней видаться. Это было бы слишком странно.

– Дело не в волосах и зубах, – Аннабель тепло ему улыбнулась. – От вас пахнет клевером. И вереском. Даже не пахнет, а... просто чувствуется.

– Я давно не был в тех местах, где растет вереск. Теперь

я городской житель.

Глава 5

ПАРАДОКС

Когда Аннабель вошла в замок, дверь за ней закрылась, а в подсвечниках в стенах загорелись свечи. Все разом.

Озираясь по сторонам, она шла по широкому пустому коридору. Только отблески пламени танцевали на стенах, на ее коже, волосах и одежде.

Черноволосая белокожая ведьма ждала в тронном зале. Трон из полупрозрачного кварца казался слишком массивным для нее. Позади на каменной стене были вырезаны знакомые математические символы. Аннабель узнала те самые уравнения¹².

На ведьме было фиолетовое платье из шелка, длинное, такое длинное, что полы стелились по всему помещению, скрывая постамент и мозаику на полу. Аннабель хотела спросить, как ведьма ходит в таком платье, но тут задрала голову и, увидев фреску на потолке, застыла.

Лес. Озеро. И одинокая фигурка среди воды и деревьев.

¹² Стандартная модель – это современная теория строения и взаимодействий элементарных частиц, многократно проверенная экспериментально.

– Нравится? – спросила ведьма. Казалось, что говорят сами стены, мраморные колонны, горы за окном. Все они были голосом ведьмы.

Аннабель не ответила. Она осматривалась и постепенно приходила в ужас. Большинство фресок были ей знакомы. Своды и высокие потолки университетской библиотеки Аньесхеде, небольшой офис университетской редакции, где работала Саншель, океан, подступающий к городу...

Смутная догадка уже вырисовывалась в ее голове. По спине побежали мурашки, волосы становились дыбом. Но нет, в это было невозможно поверить. Невозможно.

– Кто вы? – спросила она неуверенно.

– Ведьма пространства и времени. По крайней мере, мне нравится себя так называть. Но у меня много имен.

– Что это значит?

– Ко мне приходят отчаявшиеся. Те, кто не нашел ответов. Те, чьи мечты и желания не сбылись. Я даю ответы и исполняю желания.

Звучало, как очередная сенсационная псевдонаучная теория, обещающая все и немного больше. За небольшую плату, разумеется. Ну, и членские взносы каждый месяц.

– И что же вы берете за желания и ответы? – Аннабель вежливо улыбнулась.

Ведьма улыбнулась в ответ, и на мгновение показалось, что она не сидит на троне, а находится гораздо, гораздо ближе.

– Нечто равноценное.

Надо же. И правда, сетевой маркетинг.

Аннабель указала на фреску на потолке:

– Вы были на том озере?

– То озеро существует во многих мирах, – ведьма улыбнулась.

– И что там? Что там происходит, в этом озере?

– А что ты готова отдать за ответ?

Аннабель сглотнула. Она пришла сюда не за этим.

– А за чем? – спросила ведьма.

– Мне нужно найти человека. Я не знаю, где искать. Я думала, что смогу почувствовать, но... дорога вывела меня сюда. Не знаю почему.

Ведьма протянула руку к ней.

– Ты устала.

– Я... – Аннабель помедлила, но все же подошла поближе к постаменту. – Я чувствую себя странно. Иногда мне кажется, что я здесь уже так давно. Но прошла всего пара дней.

– Дней? – задумчиво спросила ведьма, склонив голову. – Повезло. Река-между-мирами благосклонна к тебе. Я бродила по мирам много дольше. Годы, может, десятилетия. Может, даже столетия. Скажи мне, кого ты ищешь? – вкрадчиво спросила она.

– Ее зовут Саншель Дорн.

Аннабель показалось, что ведьма вздрогнула.

– Что тебе до нее?

– Она моя подруга.

– Чаше сюда приходят из-за любви, а не из-за дружбы.

– Дружба – это тоже любовь, – ответила Аннабель, посмотрев ведьме в глаза. – И я должна найти Саншель. Я хочу, чтобы она вернулась к нам. Ко мне.

Ведьма засмеялась. Громом на небе, лавиной в горах, камнепадом с вышины.

– Она не вернется. Она потеряна. Навсегда. А даже если и вернется, то будет уже не она.

Аннабель вдруг осела на пол, потому что ноги вдруг перестали держать ее. Осела на мягкий фиолетовый шелк. Судорожно выдохнула. Она почти не чувствовала Саншель. И теперь... теперь...

Если даже ведьма говорит, что Саншель потеряна, то что теперь делать?

Она почувствовала, как зрение затуманилось из-за подступивших слез. Аннабель долгие годы не плакала, заставляла себя не плакать, особенно если кто-то мог увидеть. Она не хотела, не могла показывать слабость. Но сейчас... Сейчас...

Да разве ведьма никогда не видела чужих слез? Наверное, видела постоянно. Люди приходят за чем-то и отдают что-то. Разве они не плачут?

– Может, вместо этого ты хочешь, чтобы я отправила тебя к твоему дорогому Айвину? – улыбнулась ведьма и прошептала, казалось, в самое ухо: – Я могу это сделать. Я могу перенести тебя к нему.

– И что ты возьмешь взамен?

– Саншель. Или Эйрика. Кого выберешь. Одну любовь за другую.

Аннабель покачала головой. На это она никогда бы не пошла.

– А время назад повернуть ты сможешь? – она уставилась ведьме в глаза.

– Как я уже сказала, время везде идет по-разному. Реальности наслаиваются друг на друга, создавая парадоксы и временные петли, которые нельзя распутать. Причинно-следственные связи рушатся. Будущее начинает влиять на прошлое, на настоящее, на несуществующее, на то, чего никогда не будет.

Аннабель сжала губы.

– Я бы могла тебе помочь. – Ведьма развела руками. – Я бы *хотела* помочь. Больше всего на свете. Но эти законы придумала не я.

– А кто тогда? – выкрикнула Аннабель и почувствовала, как голос ее зазвенел.

– Разве кто-то должен был? Законы не придумывают, законы описывают, ты же знаешь.

Да, ведьма права. Законы не придумывают. Аннабель встала, утерев засыхающие на щеках слезы.

– Я бы хотела, чтобы все было по-другому. Чтобы Саншель вернулась.

– Прости, но *за это* тебе нечего отдать взамен. Я не стану

отбирать у тебя свободу. Я не такая, как... как *она*.

– Она? – переспросила Аннабель.

– Ведьма, что была до меня. Она была совсем другая. Она обманула меня, заставила занять ее место. А когда-то так обманули ее. Я не такая.

Еще не такая, подумала Аннабель. Но промолчала.

В легендах о драконах один должен занять место другого. Чтобы освободить ведьму, на ее трон должна взойти другая. Или другой.

Есть ли возможность разорвать круг?

Наверное, ведьма пока его не нашла. Но ведьма связана своим заклятьем. Своим уравнением. Она не видит всей картины.

Будто бы Аннабель сама видела картину целиком. Нет. Но, видимо, ей придется разбираться самой.

– Я скажу тебе кое-что, – ведьма улыбнулась. – Бесплатно. Твоя магия чудесна. Довольно ограничена в методах, но чудесна. Я бы даже назвала это другим словом. *Восприятие*. Как ты думаешь, почему ты пришла сюда?

На негнущихся ногах Аннабель подошла к фреске, на которой было изображено озеро.

Одинокая фигура, стоящая на фоне воды. Такая знакомая.

Саншель.

И еще одна фигура чуть позади, смазанная, на ее глазах начала обретать четкость. Это была она сама – Аннабель.

Ведьма сказала, что ее обманули. Заставили занять чужое место.

Внутри у Аннабель похолодело.

Если Саншель пришла сюда, в этот замок, то могла ли она остаться здесь?

Если Саншель осталась, то единственный способ ее вернуть – это посадить на ее место другого человека? Только так и никак иначе?

Листья на фреске зашевелились, по воде пошла рябь. Аннабель почувствовала порывы слабого ветерка, будто это происходило здесь и сейчас.

Нарисованная девушка спустилась ниже, к берегу, к бирюзовой воде. Безымянное озеро манило к себе.

Девушка подошла к кромке воды. Наклонилась и тронула пальцем гладкую поверхность. По воде пошли круги. Гигантские круги.

Аннабель вспомнила слова отца. «Все твои попытки исправить миропорядок – как круги на воде. Кинешь камень – будет рябь. Камень сгинет – станет гладь».

Берег. Кромка воды. *Порог.*

Рябь от прикосновения Саншель шла по озеру, дальше и дальше, пока не коснулась всех берегов.

Поверхность воды вновь затихла.

Но что-то изменилось в его глубине. Что-то зашумело.

Что-то звало.

А другой человек бежал к берегу. Бежал целую бесконеч-

ность. Не успевал. Не успел.

Тонкие пальцы с длинными ногтями легли на ее плечи.

– Сможешь ли ты изменить прошлое? – От этого голоса по коже бежали мурашки, от ее дыхания становилось холоднее.

Аннабель хотела обернуться. Странное желание – увидеть, как ведьма смогла подойти к ней в своем платье совсем беззвучно.

– Смотри вперед, – слышался шепот на ухо. – Это больше, чем ты или я.

И Аннабель смотрела на фреску. Перед ней раскинулось озеро, словно она сама стояла там.

– Глубже. Смотри глубже, – шептала ведьма. – Смотри *не* на воду. Смотри в воду.

И Аннабель смотрела. Смотрела. Пока не увидела.

– Звезды? – прошептала она, не оборачиваясь. – Откуда в озере звезды?

– Ты смотришь не в озеро. – Ведьма отпустила ее плечи. – Ты смотришь на Вселенную. Видишь, что происходит?

Аннабель видела *его* в уравнениях. Много раз. Она хотела отвернуться, но не могла.

Внутри уравнений жило чудовище. Его спрятали в уравнения и формулы, заточили, чтобы не бояться. Разложили на составные части. Но чудовище из уравнения всегда остается чудовищем. Аннабель знала миллионы, миллиарды чудовищ, но это одно – самое большое.

Великий аттрактор.

– Оно приближается, – сказала ведьма.

– Нет. Это мы приближаемся к нему.

Аннабель наконец-то перестала ощущать давление и смогла обернуться. Ведьма сидела на своем троне и нежно улыбалась.

– Теперь ты знаешь, что делать?

– Я ничего не могу сделать, – ответила Аннабель, опустив глаза. – Ни один человек, ни одно существо – никто не может ничего сделать. Мы приближаемся к нему, и однажды чудовище поглотит нас.

– И что? Ты не попытаешься предотвратить это?

– А что я могу сделать?

Ведьма склонила голову.

– Ты думаешь, в мире существует только один нерушимый цикл? Не только ведьмы крадут чужие жизни. Не только убийцы драконов становятся драконами. Есть еще один вид.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.